

**ВАЛЕРИЙ
БОЛЬШАКОВ**

ДОРОГА
ВОЙНЫ

Рим

Валерий Большаков

Дорога войны

«Махров»

2008

Большаков В. П.

Дорога войны / В. П. Большаков — «Махров», 2008 — (Рим)

ISBN 978-5-9725-1396-3

Герои «Преторианца» и «Кентуриона» вновь выходят на дорогу войны. На этот раз им предстоит отыскать сокровища, наказать врагов, спасти друзей и, заодно, всю Великую Римскую империю. Множество приключений, битвы и поединки, варвары, римляне и, разумеется, любовь.

ISBN 978-5-9725-1396-3

© Большаков В. П., 2008

© Махров, 2008

Содержание

Часть первая	5
Глава первая,	5
Глава вторая,	15
Глава третья,	21
Глава четвертая,	36
Глава пятая,	46
Глава шестая,	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Валерий Большаков

Дорога войны

Часть первая ДИКИЙ СЕВЕР

Глава первая, в которой главные герои встречаются в Большом Цирке

Клинок рассек секутору¹ левое бедро, правда, неглубоко – понож помешал, но кровь брызнула струйкой, словно алый родничок забил. Трибуны взревели.

Луций Эльвий по прозвищу Змей резко отшагнул, опуская оба гладия.² Сегодня он выступал как димахер – гладиатор, который бьется двумя мечами.

- Пятьсот сестерциев³ на Змея! – кричали римляне с трибун.
- Пятьсот на Фламму!
- Попал! Так его!
- Промазал, растяпа!
- Клянись Геркулесом, ставлю тысячу!
- Две тысячи!
- Бей же, бей! Не стой!
- Руби! Коли!

Луций Эльвий, пользуясь мгновением, немного отдышался. Анний Фламма, обряженный в голубую тунику секутора, выглядел жалко – роскошные белые перья на шлеме были ссечены и походили на заячьи уши, левая рука висела, как ослиный хвост, по переплетениям мышц стекала кровь из разрубленного плеча и капала в песок. Щит валялся в стороне, а сам секутор едва стоял – из горла его вырывалось клокочущее дыхание, розовые пузыри лопались на почерневших губах.

- Бей его! – ревели с трибун. – Бей!
- Нападай же! Ну!
- Давай! Сейчас ты его достанешь!
- Вперед! Он уже твой!

Болельщики яростно махали кулаками с отведенными вниз большими пальцами, требуя смерти.

Димахер мягко шагнул к секутору, скрестил мечи и резко развел их, нарочно открываясь. Фламма вяло взмахнул клинком, изображая бледную немочь, и вдруг резко подался вперед, делая выпад. Луций промешкал долю мига, и меч Анния достал его – проколол кольчугу на боку острием, пустил кровь. «Большие щиты» – те из зрителей, кто болел за секуторов, – победно взревели, вскакивая с мест.

¹ Секутор – гладиатор, вооруженный мечом и щитом, был защищен поножем на левом бедре, наголенником справа, обмоткой на правой руке и шлемом.

² Гладий или гладиус – римский короткий меч (50–65 см), заимствованный у испанских воинов (*gladius hispanensis*), приспособленный и рубить, и колоть.

³ Сестерций – основная денежная единица в Риме – монета из аурихалка (латунь), весом 27 грамм. 4 сестерция составляли 1 серебряный денарий. 25 денариев равнялись 1 золотому ауреусу. 1 сестерций делился на 2 бронзовых дупондия или 4 медных асса. 1 асс состоял из 2 семисс или 4 квадрантов.

Досадуя на оплошность – надо же, купился! – димахер отпрянул, отбивая меч Фламмы левым гладием, и рубанул правым. Удар не прошел. Анний живо извернулся – куда только вялость делась! – пригнулся и широким секущим движением ударил Луция по ногам. Димахер резко подпрыгнул, а когда приземлился, нанес двойной рубящий удар – обоими мечами сверху вниз, словно пытаясь оттяпать противнику руки. Секутору без щита пришлось туго, но он справился – изогнулся, отбивая один меч, а другой принял на шлем. Грянул дребезжащий удар.

Приседая, Змей пошел кругом, пользуясь левым мечом, как щитом, а правым нанося уколы. Фламма топтался, повернувшись к димахеру боком, и отбивал удары.

– Кончай танцевать! – орала с трибун.

– Бейтесь давайте!

– Коли его! Во! Еще!

– Руби, Змей!

– Бей его!

– Нападай! Не стой как столб!

– Давай! Давай!

Главный судья – сумма рудис – топтался невдалеке и выразительно шлепал палкой по ладони – пошевеливайтесь, дескать, а не то испробуете моего судейства!

Луций Эльвий завершил полный круг и вдруг резко изменил правила игры – прикрываясь правым мечом, ударил левым. Фламма успел выставить клинок, принимая удар, и тогда димахер сделал выпад с правой руки, поражая открывшегося противника в живот. Трибуны застонали от восторга...

Секутор поник, ослабевшие пальцы обронули гладий. Луций выдернул свой, и Фламма рухнул на четвереньки, обхватывая левой рукой колено Эльвия, – секутор просил пощады. Дырчатое забрало скрывало его лицо, но Змей хорошо представлял себе бледные щеки, по которым струится пот, и бесконечно усталые глаза – как у загнанной лошади.

Он поднял голову, оглядывая цирк, и повернулся к городскому эдилу, устройте игр. Эдил, пожилой коренастый мужчина в белой тоге с красной подкладкой, лениво поднялся и обшарил глазами трибуны, перебирая в пальцах платок. Изучив общественное мнение, он пренебрежительно взмахнул одной рукой, без платка. Добей!

Димахер глянул на поверженного противника, улыбнулся – и быстрым движением меча распорол Фламме горло. Кровь, гонимая колотящимся сердцем, хлынула, обливая Луцию ноги. Секутор осел и повалился на бок. Готов.

Распорядитель игр приблизился вразвалочку, осмотрел раны и поманил служителей-лорариев. Те подбежали и коснулись раскаленными прутами ноги и руки Фламмы. Распорядитель-куратор удовлетворенно кивнул и оборотился к почтенной публике.

– Погиб! – возвестил он.

Трибуны взорвались торжествующим ревом. С приветственными криками мешались громкие проклятия тех, кто просадил свои сестерции.

– Он победил! – громко объявил куратор, пальцем указывая на Луция Эльвия. – Аплодируйте ему, римляне!

Циркус Максимус породил волну рукоплесканий, прокатившуюся по арене грохочущей лавиной одобрения.

Распорядитель вручил Луцию пальмовую ветвь, и димахер, воткнув мечи в песок, побежал вокруг всей арены, размахивая этой наградой за убийство. А тело Фламмы, зацепив крюками, поволокли прочь.

Большой Цирк не зря так назывался – пока Змей добежал до середины, он успел запыхаться. Когда-то давно Циркус Максимус был таким, что его и цирком-то назвать было нельзя. Просто здесь, в долине Мурсии, зажатой Палатинским и Авентинским холмами, издревле зеле-

нел луг, удобный для скачек, парадов, процессий, а заросли миртовых деревьев на склонах прикрывали зрителей от солнца. Это сюда Ромул заманил сабинов, и, пока те глазели на конные соревнования, римляне похитили их незамужних дочерей.

По центру долины протекала речушка, мешавшая скачкам, и поток упрятали под каменное арочное покрытие. Поставили сверху статуи богинь Полленции и Сегесты, бога Конса, прочих божеств второго плана и назвали все это сооружение «спиной». Вот вокруг «спины» и носились колесницы, наматывая семь кругов, а по сторонам, вздымаясь тремя ярусами, тянулись мраморные скамьи для двухсот тысяч зрителей.

– Красиво он его уделал! – раздался сверху веселый голос. – А что за поза! Стоит, как статуя!

Луций поднял голову, ухватывая взглядом четырех молодцев в красных туниках, облокотившихся о валики парапета. Говорил чернявый парень приятной наружности, роста среднего, зато ехидства – величайшего. Его сосед, добродушный великан с узковатым разрезом глаз, прогудел:

– Как статуя!

– И почему я не скульптор? – закручинился чернявый. – Изваял бы с него «Терминатора»...

– Да у тебя и так язык как зубило. – проворчал великан.

– Нет, Гефестай, – ослабилась чернявый, – ты неправ!

Змей сбился с шага, остановился, чтобы послать эту почтенную публику куда подальше, но сдержался. «Молчи, язык! Хлеба дам».

Третий из компании, сухощавый эллин с варварской прической – его длинные, иссиня-черные волосы были стянуты в «хвост» на затылке, – обернулся к четвертому, высокому блондину с лицом холодным и твердым, помеченным шрамами.

– Эдуард в своем репертуаре, – заметил длинноволосый со скользкой улыбкой. – А моему, Зухос бился адекватней.

– Зухос был воин, – коротко сказал блондин. Бросив равнодушный взгляд на Луция, он отвернулся.

– Понял, Церетели? – проговорил Гефестай наставительно. – Воином! А ты где сидишь? В ци-ирке! Уразумел ли, о Эдикус?

– Ты меня убедил, – кротко ответил Эдикус. – С цирковых не ваяем! Из любви к искусству.

Озлясь, Луций Эльвий сплюнул на белый нильский песок и побежал дальше. Добравшись до оппидума – элитарных северных трибун, украшенных башнями с зубцами, он остановился. Всё, круг почета совершен, пропадите вы пропадом с вашей славой!

Под оппидумом в ряд шли двенадцать проездов-карсересов для колесниц. Между стартовыми воротами торчали «герма» – пирамидальные столбики со скульптурными головами бога Гермеса наверху и с эрегированным фаллосом. Герма были как пожелание удачи. Луций отворил калитку в крайних воротах и прошел внутрь, окунаясь в полутьму, смутно освещенную факелами. Карсерес был пуст, время для скачек еще не пришло.

– Луций Эльвий! – раздался громкий голос. Гладиатор обернулся и разглядел в потемках тщедушного человечка в поношенной тунике.

– Чего тебе? – буркнул Змей.

– Я послан сенатором Элием Антонием Этерналисом, – проговорил человечек, задыхаясь от бега, – превосходительный просил тебя явиться к нему завтра с утра!

– Скажешь, что буду. Непременно. Человечек поклонился и убежал.

Луций отер пот с тела и натянул чистую тунику. Он был свободным человеком, и в бои гладиаторов ввязывался по собственному желанию, как вольнонаемный аукторат. Все было в его недолгой жизни – и победы, и помилования. Дважды ему вручали тонкий деревянный меч

рудис, освобождая от боев, и он оба раза возвращался на арену. Игры здорово подогревали его холодную кровь. Да и денег можно было подзаработать.

Гладиатор задумался, соображая, и ухмыльнулся: сегодня у него был сороковой бой! Сороковая победа. Сороковой труп.

Он поднялся по лесенке и устроился у светового окошка. Отсюда была хорошо видна вся арена.

– А сейчас, – донесся голос распорядителя, – а сейчас храбрые охотники из племени гетули покажут нам, как убивают слонов!

По трибунам прокатился сдержанный гул. Далекие Триумфальные ворота на южном конце цирка разомкнулись, и на арену вышло целое стадо слонов. Толпа зашумела. Тогда серые гиганты задрали хоботы кверху и затрубили, словно приветствуя публику. Публике это понравилось.

Юркие темнокожие гетули выбежали на арену, потрясая копьями или колотя ими о расписные щиты. Слоны не обращали на гетули ровно никакого внимания, они разбрелись по арене, нюхали окровавленный песок и мотали головами. Гетули огляделись и всей толпой направились к слону, который стоял в гордом одиночестве. Животное скрутило хобот и растопырило уши, готовясь дать отпор наглецам. Гетули заплясали перед слоном, выкрикивая оскорбления, и тот кинулся на них, яростно трубя. А охотники начали бегать вокруг животного. Слон растерялся, не успевая следить за мелькающими гетули. А те вдруг резко остановились и бросили копья ему в ноги – как булавками к арене прикололи. Серый гигант задрал хобот, крича от боли. С пронзенными ногами слон пополз на коленях, преследуя своих врагов; вырывая щиты, он бросал их вверх, и те разлетались по всей арене. Один из гетули подскочил к слону и перерезал животному горло. Толпа взревела.

Вожаку стада, громадине под восемь локтей в холке, показалась подозрительной смерть товарища, и он повел стадо в атаку. Слоны, выставив грозные бивни, кинулись на трибуны. Таких решеток, как в амфитеатре Флавия, в Большом Цирке не ставили. Передние ряды были подняты над ареной на высоту в два человеческих роста, а по краю тянулись деревянные валики-барабаны, отделанные слоновой костью. Если расшвирипевший тигр или лев прыгал на трибуны, он не мог закогтиться – барабан проворачивался под его лапами, и зверь падал на песок. Но слоны были умнее. Пронзительно трубя, гиганты подбегали и становились на задние ноги, передними опираясь о стенку так, что их огромные головы возвышались над парапетом. На рядах поднялась паника – слоновьи бивни в щепу раздирали барабаны, а гибкие хоботы извивались, хватая орущих людей.

– Так их! – вскричал Луций Эльвий. – Молодцы! Перепуганные гетули метнулись к вожаку стада. Они перерезали ему коленные сухожилия, повалили и убили.

Уцелевшие слоны сбились в кучу в центре арены. Куратор игр, с лицом белее мрамора, прокричал команду. Открылись створки Триумфальных ворот, и слоны грузной трусцой покинули арену. Травля не удалась.

Служители завели в цирк упряжки волов, прицепили и вытащили вон туши убитых слонов. Мальчики с корзинами песка забегали по арене, засыпая кровавые лужи.

Крики ужаса и гнева утихли, встрепанные зрители с опаской возвращались на покинутые места. Теперь лишь раскуроченные барабаны напоминали о мести слонов.

– Луций! – крикнули из потемок. – Ты здесь?

– Это ты, Квинт?

– Я!

– А Торий где?

– Сейчас!

Распахнулись наружные ворота, освещая весь карсерес. Фыркающая и топоча, вбежала квадрига – четверка лошадей, запряженная в легкую гоночную колесницу. Два колеса ее были

небольшими, чуть меньше локтя⁴ в поперечнике, с окованными ободами, по восемь спиц в каждом. Колеса надевались на ось, которая, как верхняя перекладинка в букве «Т», соединялась с дышлом и заодно поддерживала маленькую площадку для возницы. Вверх от нее шло деревянное кольцо, доходящее возничему до пояса. Кольцо было обернуто зеленой тканью – в цвет партии Зеленых. Лошади по обе стороны от дышла фыркали и отаптывались, нетерпеливо косясь на Луция – горячие были, обскачливые. Таких только выпусти, сами понесутся!

– Хорошие мои, – ласково проворковал гладиатор, оглаживая конские морды, – хорошие.

Лошади доверчиво тыкались ему в руки теплыми губами, нарыскивая угощение, и находили его. Эльвий каждой сунул по кусочку – лошадей он любил куда больше, чем людей.

– Здорово, Змей! – вскричал маленький, сутуленький, длиннорукий возничий-аврига, похожий на обезьянку – такой же суетливый и вертлявый.

– Сальве, Торий.

– Грохнул, значит, секутора?

– А то...

– Квинт! – окликнул Торий конюшего. – Проверь колеса! Смазал хоть?

– Да, да! – отозвался Квинт. – Сейчас я, еще разок...

– Давай. А я коней посмотрю...

Возничий заботливо проверил упряжь – не жмет ли. Упряжь была простая – подпруги опоясывали животы лошадей, а шеи охватывали стяжные хомуты, каждый – привязан к короткому деревянному ярму, лежащему на холках у коренных – Андрамона и Полидокса. Пристяжные – Спеддуса и Гирпин – цеплялись к дышлу перекладаиной.

– Копыта в порядке?

– В полном!

Тут невидимая толпа на трибунах взревела. По арене разнеслось грозное низкое мычание, и тут же воздух разорвал львиный рык.

– Что там? – приподнял голову Луций. Квинт подбежал к калитке и выглянул.

– «Охота»! – воскликнул он. – Ух ты!

Эльвий неторопливо подошел и посмотрел в щель. На арене шел яростный бой между быком и львом, соединенными одной цепью. Огромный гнедой тур со здоровенными острейшими рогами бесновался, дергая цепь и мотая за собою льва с роскошной темной гривой. Копыта быка взрывали песок, раскидывая его фонтанами, а лев не знал, куда деваться. Разозлившись, он запрыгнул туру на спину, вонзая когти, но бык с громовым ревом встал на дыбы, стряхивая хищника. Лев, махая лапами, упал на арену, и тур едва не забодал плотьядного, вонзая рога в песок и расшвыривая его.

– Сейчас будет самое интересное! – возбужденно сказал Квинт.

– Что?

– Нокси!

И в самом деле, на арену вытолкнули нокси – преступника, приговоренного к смерти. Чего ему зря с жизнью прощаться? Пускай перед тем, как сгинуть, народ повеселит!

На нокси была одна лишь набедренная повязка, а в руках он держал длинную палку с наконечником в форме крюка, чтобы отомкнуть задвижку на цепи, сковывавшую двух бестий, травоядную и хищную. Колени у нокси подгибались, но куда деваться-то? Он приблизился к зверям. Бык склонил голову, раздувая ноздри. Лев припал к земле и ощерил желтые клыки. Толпа затихла...

Нокси удалось разомкнуть цепь – Луций даже расслышал щелчок. Разъяренные звери тут же потеряли интерес друг к другу, и лев мигом переключился на приговоренного. Он издал рык, от которого сотряслись ворота, и молниеносным движением лапы оторвал нокси голову.

⁴ Локоть – мера длины, 52 см.

Быку это не понравилось, он подскочил и принялся яростно топтать человеческое тело копытами, а затем подцепил останки рогами и перебросил через спину, едва не задев колонну со статуей Победы. Толпа неистовствовала...

– Всё, – выдохнул Квинт с удовлетворением, – это последний. Сейчас начнутся бега!

– Одежка где? – подхватился аврига.

– Тут всё! Я принес!

Квинт бегом притащил тюк с одеждой возницы. Торий нацепил маленький круглый шлем из многих слоев толстой кожи и затянул ремешок на подбородке.

– Помочь? – спросил Луций.

– Я сам... – пропыхтел аврига.

– Да ладно...

Гладиатор помог возничему облачиться в кожаный доспех с мягким подкладом и завязать на руках и ногах стеганные щитки, обернутые кожей.

– Нож где? – спохватился Торий.

Квинт порылся в тюке – и добыл короткий изогнутый нож.

– Кнут?

– Вот!

– Плащ?

Конюший встряхнул зеленым плащом.

– Давай его сюда...

Аврига нацепил плащ, скрепив его на плече простой бронзовой застежкой-фибулой, подошел к Луцию и тоже глянул в щель. Болельщики уже настроились на скачки – всюю заключали пари, горланили песни, размахивали кусками ткани – белой, красной, зеленой, синей. Цветные волны перекачивались по трибунам, ходили вверх и вниз по рядам, кружились вдоль и поперек. Змей усмехнулся. Скоро эти придурки на трибунах будут орать, свистеть, топтать ногами и падать в обморок...

С оппидума спустился надменный служитель.

– Торий Спартиан? – уточнил он. – Будь готов!

– Всегда готов... – буркнул аврига.

Луций прищурился, провожая глазами служителя, пренебрежительно поджимающего губы. Убил бы...

Он не раз ловил на себе презрительные взгляды, бросаемые всякими там сенаторами да всадниками. А как же! Гладиатор, как и аврига или проститутка, зарабатывает на жизнь собственным телом, а не умом. В глазах римлян это лишало гладиатора почтения, он становился недостойным участия в выборах, с ним не принято было разговаривать на публике, ему был заказан путь в Курию или на Ростры. Змей усмехнулся. Зато девушки и даже замужние матроны чуть ли не в очередь становились, лишь бы отдаться знаменитому гладиатору! Кстати, авригу они тоже не пропускали.

– Пора!.. – выдохнул Квинт.

Торий наскоро огладил ладонями деревянную фигуру богини Эпоны, покровительницы лошадей, что стояла в углу, и влез на колесницу. Квадрига оживилась, зафыркала, предвкушая гонку, тыкаясь носами в ворота. Перебирая копытами, лошади стучали по твердому дощатому настилу. Спартиан обмотал вожжи вокруг тела, ухватился одной рукой за деревянное кольцо впереди, другой рукой сжал кнут, ногами уперся в то же кольцо, единственную свою опору.

– Да поможет тебе Нептун Конный! – громко пожелал Луций.

Аврига оскалился, облизал пересохшие губы, чувствуя, как бьется сердце, как подмывает душу азарт, радость погони и скорости. И вот пропела сигнал труба, подавая весть о том, что эдил взмахнул маппа – священным, богато расшитым платком. Торий напряг все мышцы, каждый нерв его тела будто зазвенел в лад. Сейчас...

Клацнули рычаги, одновременно отодвигая запорные болты, и мощные пружины из скрученных сухожилий с грохотом распахнули ворота.

– И-ий-я-а! – завопил Спартиан, шелкая кнутом. Кони заржали, одним рывком вынося колесницу на беговую дорожку.

Луций выбежал за ворота, выглядывая Тория в пыльном облаке. Восемь колесниц мчались, то уходя вперед, то отставая. Развевались разноцветные плащи, бешено крутились колеса, выбрасывая струи песка. Крики с трибун слились в оглушительный рев. Впереди, на песке, между «спиной» и внешним краем скакового круга, была прочерчена белая линия. Гонки начнутся с того момента, как квадриги пересекут эту черту.

– Наддай, наддай! – орал Луций и хохотал. Поболеть он тоже любил...

Чтобы подстегнуть пыл лошадей, Торий наклонился вперед, ослабив поводья. И лошади старались – под их переливчатой кожей играли мышцы, гривы вились на ветру, а напряженные шеи так и рвались вперед. Слева от Спартиана, за облаком белого песка, проглядывала «спина», облицованная мрамором, заставленная алтарями, малюсенькими храмиками, фигурами зверей и атлетов. А вот и с египетским обелиском поравнялся Торий – считай, четверть круга позади!

Луций покачал головой. Соперники авриги его пока не волновали – семь кругов впереди, борьба начнется под конец заезда. Плохо то, что по жребию Спартиану достался крайний карсерес – и самая дальняя от «спины» беговая дорожка, под самыми трибунами. На скачках выигрывает тот, кто умеет поворачивать на острых углах цирка с максимально возможной скоростью и держаться как можно ближе к «спине». Эльвий присмотрелся – больше половины колесниц отстало, а впереди. Гладиатор сощурился. Так, это Децим, это Марк Полиник, а кто это жмет посередке? Никак сам Гай Апулей Диокл! Жми, жми... От Гая на полкорпуса отстает Сидоний Носатый в синем плаще. Что-то непохоже на Сидония. Или он просто выжидает, бережет силы квадриги? Ну-ну, береги, береги...

Колесницы проехали «спину» и пошли в объезд меты – высокой тумбы в виде половинки цилиндра, разрезанного вдоль, с тремя конусами-столбиками наверху. Видно было, как Торий подался назад, натягивая телом поводья. Кони утишили бег, и аврига наклонился влево, чтобы заставить четверку повернуть. Легкую колесницу занесло на повороте, но с этим Спартиан легко справился. А вот молодому прыткому вознице, вздумавшему обогнать Марка Полиника, не повезло. Его квадрига вошла в поворот так резко, что одна лошадь упала, сворачивая шею, и колесница перевернулась набок. Обмотанного вожжами авригу выбросило и поволокло. Ему надо было тотчас же выхватить нож и перерезать поводья, но парень, как видно, растерялся. И тут на его колесницу налетела следующая. Крушение! Обе квадриги рухнули на землю, множество ног смешалось с колесами, все тридцать две спицы слились в одну: раздался оглушительный треск; вращавшийся обод раздробил застрявшие в нем ноги. Затем возница, третья жертва, слетел со своего места, и колесница упала на него. Брызнула кровь.

«Дурачье! – поморщился Луций. – Кто же гонит на повороте?..»

Торий вывел квадригу на прямой участок – и наклонился вперед. Лошади, почувствовав слабость, тут же пошли на разгон. А Спартиан, мокрый от пены, видать, блаженствовал, упивался просто скоростью конского бега и мерою своего владения упряжкой. Зоркие глаза Змея видели раззявленный перекошенный рот авриги, орущий самые черные ругательства – не от злости – от счастья. Колесницу немилосердно трясло, а Торию, наверное, чудилось, будто он парит, стремительно скользя над землей...

Колесницы подлетели к карсересам, входя в поворот вокруг счетчика – четырех колонн, зажимающих семь «яиц», деревянных шаров. Приставленный к счетчику раб поспешно вынул верхнее «яйцо» – первый круг пройден!

Мазнув взглядом по Луцию Эльвию, Спартиан чуть-чуть отклонился назад, притормаживая лошадей на повороте. Колесница опасно заскользила. Аврига снял руку с кольца и, удерживая

живая равновесие одними ногами, взялся за поводья. Подпрыгивая и кренясь, колесница обогнула «спину». Луций засвистел ей вдогонку.

– Вклинивайся! – заорал он, будто Торию слышен был его крик. – Подрезай! Эх...

Впереди, между Марком Полиником и этим молодым каппадокийцем... как бишь его. Эоситеем возник просвет. И Спартиан тут же заработал кнутом, погоняя лошадей все сильнее и сильнее, бросая колесницу вперед, втискивая ее в узкое свободное пространство. Мелькнуло ощеренное лицо Марка. Торий сосредоточился на Эоситее – каппадокиец шел ближе к «спине». Аврига направил колесницу на его квадригу и повел свою так близко, что оси почти соприкасались. Эоситей испуганно закричал что-то, но что именно, расслышать было невозможно, такой стоял шум.

Луций весело расхохотался:

– Так его! Гони, Торий, гони!

Спартиан наклонился влево. Квадрига послушно прыгнула туда же, и обе колесницы сотряслись – колеса шаркнули друг о друга так, что стружка полетела. Эоситей побелел и откинулся назад, притормаживая. Квадрига Тория тут же заняла его место. Две беговые дорожки отделяли его от «спины», но слишком близко тоже плохо...

Второй круг, третий, четвертый, пятый, шестой. Теперь каждую колесницу сопровождал всадник-гортатор.

Первым пришел Сидоний – Носатый выложился полностью, и из лошадей выжал всю их силу. Вон, все бока у животин в хлопьях пены. Совсем не жалеет квадригу!

Трибуны взревели, в небо выпустили птиц с выкрашенными в синий цвет головами – теперь все, кто не попал на трибуны, узнают фракцию победителей!

Гордый победой Сидоний подъехал к подиуму, где, под балдахином сирийской кожи, тисненной золотом, восседал эдил. Распорядитель игр торжественно вручил вознице пальмовую ветвь и увесистый мешочек. Служители живо разукрасили колесницу лавровыми венками, и Сидоний отправился на круг почета.

«Кружи, кружи...» – подумал Луций, хватая Спевдусу за гриву. Разгоряченные кони возбужденно топтали копытами, фыркая и раздувая дыхи.

Торий слез с колесницы, с трудом отцепившись от кольца. Он тяжело дышал, словно сам одолел всю дорогу вскачь.

– Вы видали... – одышливо выговорил аврига. – Как мы дали?

– Носатая борзая обогнала... – вздохнул огорченный Квинт.

– Пустое! – отмахнулся Спартиан. – Проехался – и ладно.

Змей помог Квинту обтереть лошадей, накинул плащ и сказал:

– Так, если кто будет завтра спрашивать – меня нет! Я у сенатора...

– Понял!

Эльвий покинул карсерес и вышел наружу, под стены Большого Цирка, где жались лавки торгашей и менял. Не сюда мне, подумал он уныло и ощупал тощий, словно скукоженный, кошелек-кремону, прицепленный к поясу. Скукожишься тут. Три асса и затертый квадрант – вот и все богатство. Ну, квадрант оставим на послезавтра – будет чем заплатить за термы...

Гладиатор замедлил шаги, принюхиваясь к божественному запаху хлеба-самопека. Последний раз он ел утром, на «свободной трапезе» со всеми гладиаторами. Луций криво усмехнулся – трапезничал он за одним столом с Аннием Фламмой. Секатор вкушал торжественно и серьезно, жевал вдумчиво, выбирая только те блюда, которые придадут сил на арене и не отяжелат. Знал бы он тогда, кому выпадет жребий биться с ним в паре! И кто добьет его.

Змей выскреб свои ассы и сжал в кулаке. А с чего это он жадничает? Ланиста⁵ твердо обещал ему десять тысяч сестерциев за выступление – завтра или послезавтра. Ближе к Сатурнину дню.⁶ Или в начале следующей недели.

В любом случае, завтрак ему обеспечен – патрон его обязательно накормит перед тем, как дать задание. А как же!

Решившись, Эльвий подошел к торговцу и сказал как отрезал:

– Хлеба на асс и сыру на два!

Продавец лихо отхватил горбушку от круглого каравая из пшеничной муки, добавил изрядный кусок сыру – дырчатого, со слезой, пахучего! – и завернул угощение в чистую салфетку.

– Пожалуйте!

Расплатившись, Луций сгреб покупку и направился к «крикливой» Субуре, «грязной и мокрой».

Субура – улица небогатая, обиталище кустарей, прачек, вольноотпущенников, место беспокойное и малопрстойное. Она тянулась по всей долине между Оппием и южным склоном Виминала, добираясь под именем Субурского взвоза до Эсквилинских ворот.

Змей жил на этой улице уже добрых полгода, но до сих пор не знал, чем Субуру вымостили – каменными плитами или обломками мрамора плоской стороной кверху. Попробуй-ка увидеть мостовую в темноте! А светлым днем по всей Субуре толклись торговцы и покупатели, воры и проститутки, приезжие и местные – все кому не лень.

Эльвий проталкивался через толпу, прижимая к себе сверток со съестным, и уши его вяли.

– Капусту продаю! Кому капуста?

– Масли-ины! Маслины опавшие, самые спелые!

– Сколько-сколько?! Всеблагие лары!

– Яйца! Яйца теплые! Только что из-под курицы!

– Козлятинка! Свежа-айшая! Афиной Аллеей клянусь!

– Господин, купи тогу! Новая почти, ненадеванная!

– Этот распоротый мешок ты называешь тогой?! Да иди ты к воронам!

– Притирания из Египта! А вот притирания из Египта! Чего желает сердце твое?

– А это что у тебя? Ладан, что ли?

– Попал иглою! Купи кусочек, и дом твой будет благоухать весь год!

Луций вышел к улице Аполло Сандалариус, спускающейся со склона Эсквилина и пересекающей Субуру. Когда-то она звалась просто улицей Башмачников – Сандалариус, но потом Октавиан Август поставил здесь статую Аполлона. Одолев подъем, вымощенный булыжником, гладиатор свернул под арку темного сырого подъезда пятиэтажной инсулы⁷ – здесь он снимал каморку «под черепицей». Во внутреннем дворе почти не осталось зеленой травы, всю вытоптали, зато посередине бил фонтан, наполняя каменную чашу, – отсюда жильцы брали воду. «Удобства» располагались неподалеку, о чем сразу сообщали своим хозяевам даже те носы, что привыкли к зловонию, – хоть и журчала вода в уборной-латрине беспрестанно, запах держался стойко.

«И здесь я живу! – поморщился Луций. – Ползаю по самому дну...»

⁵ Ланиста – содержатель гладиаторов. Ланиста покупал бойцов, сдавал их в аренду, обучал и т. д.

⁶ Сатурнин день – суббота.

⁷ Инсула – многоквартирный дом. Помещения на первом-втором этажах бывали даже роскошны, а вот на последних селились бедняки, не знавшие удобств вроде канализации.

Мать родила Луция Эльвия в Калабрии, неизвестно от кого, скорее всего, отцом его был загулявший легионер. Или матрос Равеннского флота.

Ни грамматике, ни риторике малого Луция не обучали, образование он получал на улице, сражаясь с такими же зверенышами, как он, за кусок хлеба и глоток вина. «Человек человеку волк» – эту истину Эльвий затвердил назубок. «Преподаватели» – одноногий попрошайка Рапсод и старый вор Анний Косой – вбивали в него данную формулу одичания, вколачивали старательно, оставляя на шкуре Луция его первые шрамы. И ученик хорошо усвоил материал – Косого с Рапсодом он убил первыми. И понеслось его житие по кочкам бытия...

Змей поднял голову к прямоугольнику синего неба, вырезанного колодцем стен, и направился к лестнице. На второй этаж вели ступени из травертинского камня, до третьего тянулась лестница из кирпича, а выше надо было подниматься по скрипучему шаткому дереву.

На галерее четвертого этажа Луцию повстречался раб-инсуларий. Раб смиренно поклонился и сказал елейным голоском:

– Когда платить собираешься?

– Завтра! – отрезал гладиатор и стал подниматься по лестнице наверх.

Деревянные ступеньки под ногами погромыхивали – они были съемными. Случалось, что хозяину дома надоедало кормиться «завтраками», и он вынимал ступеньки, блокируя злого неплательщика.

Открыв простой деревянный замок, Луций помолился пенатам и вошел в квартиру. Потолком ее была крыша инсулы. Балки, поддерживающие черепицу, нависали низко – каждой перекладине поклонись. Комнат было две, их разгораживала плетенка из хвороста. Дальняя комната служила Эльвию спальней, там он поставил топчан с провисшей ременной сеткой. Рванный тюфяк был набит ситником, нарезанным на болотах у Цирцей, одеялом гладиатору служила тога, а подушкой – связка сена.

Большая комната была обставлена бедно – колченогий буковый столик в углу, на нем хватало места для шести глиняных кружечек, а под ним помещался маленький горшок-канфар с отбитой ручкой. Середину комнаты занимала прогоревшая бронзовая жаровня, зеленая от старости и заткнутая черепком от амфоры.

Змей мрачно посмотрел на жаровню, потом поднял глаза на ряды черепиц, перевел взгляд на окошко, прикрытое щелястой ставней. Да-а. Зимой он тут окочурится – не надо и к сивиллам-пророчицам ходить, чтобы уразуметь это. Пора, пора подсуетиться, найти местечко потеплее. В деревню, что ли, вернуться? Ну уж нет! Лучше быть босяком в Риме, чем цезарем в глуши!

Пожертвовав крошки сыра и хлеба своему дырявому очагу, гладиатор хорошо откусил и проговорил с набитым ртом:

– Будем искать!

Глава вторая, в которой наши главные герои вспоминают прошлое, уже ставшее далеким будущим

Сергий Роксолан, Искандер Тиндарид, Эдикус Чанба и Гефестай сын Ярная покинули Большой Цирк вместе со всеми, но и в огромной толпе они выделялись. Все четверо служили в Шестой кентурии Особой когорты претории, а Сергий Роксолан носил звание гастат-кентуриона. Вернувшись вчера с одного задания, завтра они готовились получить новое, а нынче, в Марсов день,⁸ у друзей был выходной – первый за полгода...

Четверо преторианцев выступали с достоинством цезарей, щеголяя новенькой формой – на каждом были короткая алая туника с золотым позументом и лиловый плащ. Крепкие ноги были обуты в красные калиги, а головы гордо несли блестящие шлемы с роскошными плюмажами из страусиных перьев. Мускулистые руки небрежно придерживали мечи в ножнах на перевязях. Двое выбивались из строя – Сергия отличали серебряные поножи, полагавшиеся кентуриону по званию, а невысокий Эдикус шагал чуть впереди, чтобы не так бросалась разница в росте.

– Куда пойдем? – спросил он нетерпеливо. – Может, на Форум махнем? Потусуемся?

– А что мы там забыли, на Форуме? – пробурчал Гефестай.

– Ладно, – быстро согласился Чанба. – Твои предложения?

– Лично я, – потер живот Гефестай, – завалился бы сейчас в приличную харчевенку!

Что-то есть охота.

– Можно подумать, – фыркнул Эдик, – эта охота у тебя хоть раз в жизни пропадала! Как просыпаешься, так она и приходит. Даже ночью встаешь пожевать!

– Природа, – измолвил сын Ярная назидательно, гулко похлопав себя по животу, – не терпит пустоты.

– Мне кажется, что в данном случае Гефестай прав, – неожиданно поддержал друга Искандер, – хорошая трапеза нам не повредила бы. Заодно отметим праздничную дату!

– Какую? – удивился Сергий.

– Вторую годовщину нашего пребывания в этом времени! – торжественно провозгласил Тиндарид.

– Что, точно? – вытаращился Эдик и сразу нахмурился: – Ты что? Сейчас октябрь, а мы сюда в ноябре перешли!

– Не, – замотал головой Гефестай, – это в две тыщи шестом был ноябрь, а мы, когда переместились, в апрель попали. Ну и считай – сто семнадцатый, сто восемнадцатый... и еще пять, ну, почти шесть месяцев. Тоже мне, арифме-етик!

Искандер улыбнулся.

– Стоит ли пересчитывать календарные дни? – мягко сказал он. – Было бы вино, а повод найдется...

– В самом деле! – воскликнул Гефестай. – Вперед, луканская копченая колбаса ждет нас!

– И омар с горной спаржей, – потер руки Эдик.

– И мурена из Сицилийского пролива. – облизнулся Тиндарид.

– И опианский фалерн, – подхватил кентурион-гастат, – столетней выдержки!

Хохоча и переговариваясь, четверка двинулась по улице Патрициев, высматривая подходящее заведение. Долго искать не пришлось – возле Септизодия, семиэтажной высоты Рима, обнаружилась таверна «У Ларсинии». Что уж там за Ларсиния такая, друзья выяснять не стали,

⁸ Марсов день – вторник.

но таверна им приглянулась. За темным вестибулом⁹ их ждал обширный зал триклиния,¹⁰ разделенный на две половины – одна пониже, другая повыше. Повыше стояли столики-трапедзы и ложа-клинэ, а пониже – нормальные столы и скамьи.

Четверо преторианцев сразу сдвинули пару столиков и расселись вокруг.

– А мне наше время снится иногда, – признался Роксолан, расстегивая ремешок, стягивавший нащечники, и снимая шлем. – Только подсознание все путает. Вижу сон, будто я в Москве, а вокруг ни одной машины, все на конях, все в тогах. Я иду, иду, спускаюсь в метро, а на станции темно, как в храме египетском, только фары метрпоезда светятся... К чему бы это?

– К новому походу, – авторитетно сказал Эдик. – Примета такая – если приснилось метро, жди секретной операции.

Тут подошел сам ресторатор и неуверенно поклонился.

– Я извиняюсь, – обернулся к нему Чанба, – вы еще спите или мы уже обедаем?

– Чего изволят господа преторианцы? – прогнулся держатель таверны.

Друзья заказывали по очереди. Ресторатор едва успевал ставить закорючки на воощеных дощечках-церах, бросая на посетителей косые взгляды. Сергей уловил его настроение и выложил на стол пару денариев – жалованье преторианца позволяло не отказывать себе в маленьких удовольствиях. Хозяин и деньги моментально испарились, зато из кухни повалили рабы с подносами. Они уставили оба стола и удалились. Последним явился раб-виночерпий, он притащил фалернское в глиняных бутылках с узкими горлышками и топор. Разрубив пошире устья, запечатанные гипсом, раб опорожнил сосуд в широкий кратер, похожий на серебряный тазик, смешал вино с водою по эллинскому обычаю и разлил по чашам.

– Ну, за нас! – произнес тост Гефестай.

Друзья основательно приложились и хорошенько закусили.

– А я, – сказал Эдикус, уплетая шматик копченого сала из Галлии, – почти не вспоминаю прошлое... которое теперь далекое будущее. Да и когда вспоминать? Вечный бой! Сначала парфян лупили, потом мы же их защищать взялись, на римлян перекинулись. Потом нас в гладиаторы записали, хоть мы об этом и не просили, и началось – претория, зачистка территории. Консулярам намаяли по организмам... – Чанба бросил взгляд на Сергея. Роксолан в тот раз потерял любимую девушку, ее убили, когда преторианцы зачищали Рим от наемников четырех консуляров. Но кентуриона-гастата не посетило тошное воспоминание.

– Да-а... – протянул он. – Были схватки боевые...

– Да говорят, еще какие! – воскликнул Эдик, воодушевляясь.

– А как мы тебя в Мемфисе искали... – ухмыльнулся Гефестай. – Помните?

– В пирамиде? – Губы кентуриона поползли в улыбку.

– Ха! Это ты по пирамиде шастал, а мы снаружи бродили, тыковки чесали – и как нам тебя оттуда выковырять? Помнишь, – обратился сын Ярная к сыну Тиндара, – как я ту плиту поднял? Один! А весу там было – о-го-го сколько! Глыба! И ничего, осилил, есть еще в чем моще держаться, – гордо закончил он.

– За это надо выпить, – сообразил Чанба.

– За что? – озадачился Ярнаяев сын.

– Да ты пей, пей... Ну, за победу!

Роксолан выхлебал полную чашу – и задумался. Интересная штука жизнь. Как в ней всё забавно поворачивается...

Искандера с Гефестаем он знал с детства, вместе в школу ходили, на одной погранзаставе росли. Ага, знал. Про то, что они оба родом из древней Парфии, эти наперсники детских забав молчали, как партизаны. По-настоящему Искандера звать Александрос Тиндарид, он родился

⁹ Вестибул – прихожая римского дома.

¹⁰ Триклиний – трапезная.

в первом веке нашей эры в семье эллинского купца, потомка воина, ходившего в фаланге Александра Македонского. А Гефестай и вовсе подданный кушанского царя...

Отца Александроса убили кочевники, напавшие на караван, и мальчика с матерью отдали в рабство за долги. Гефестая родня поместила в монастырь к митраистам, откуда тот сбежал – и шатался без призора. Так бы и сгинули, наверное, маленький невольник и бродяжка, но нашлись добрые люди, подсобили: переправили в двадцатый век, заповедав хранить великую тайну Врат Времени (высоколобые физики называли бы их не так вычурно, но так же непонятно – «темпоральным тоннелем»).

Расскажи ему кто о Вратах «до того как», он бы только переморщился от такой заезженной фантастики, отстойной и даже пошлой, но все было по правде.

Врата открывались раз в полгода, связывая храм Януса в парфянской крепости Антиохии-Маргиане с пещерой в горах Памира – тогда еще на землях Таджикской ССР...

Дав себе слово не увлекаться спиртным, Сергей щедро плеснул в чашу неразбавленного фалернского – это вино было густым и крепким, горело не хуже виски.

– Закусывать надо, – тут же заметил Искандер.

– Закуска градус крадет, – улыбнулся кентурион и выщедил фалерн. Нутро прогрелось, в движениях появилась плавность. Сергей посмотрел на Эдика.

С Чанбой он подружился уже после школы, в Сухуми, куда перевели его отца-пограничника. Эдик Чанба люто комплексовал из-за своего «ниже среднего» и потому терпеть не мог высокого Сергея Лобанова. Но гадская перестройка так все перевероришила, так перелопатила. Больше года им пришлось воевать с грузинами, бок о бок, спина к спине, а после хоть песню пой: «Русский с абхазом – братья навек!»

Вместе дослужили в армии. После дембеля Сергей Лобанов занялся автосервисом, открыл «ооошку» и взял к себе Эдика Чанбу – тот в механике был бог.

Сергей уже и забыл давно, как был начальником, но вот его бывший подчиненный любит при каждом удобном и неудобном случае напомнить, кто из них «босс и эксплуататор», а кто «угнетенный пролетарий»...

– Слышь, Александрос, – сказал Сергей, – а ты сам-то как – по тому времени ностальгируешь?

– Безусловно, – кивнул наперсник детских забав. – Даже беспредельные девяностые у меня вызывают сладенькую тоску. Ничего удивительного – в школу я пошел в СССР, в мединститут поступил в РФ – вот я когда жил. Младенчество не в счет...

– О, Ардвичура-Анахита! – вздохнул Гефестай. – Быстро же я тогда допер, что с нами приключилось! Классу к девятому, наверное. Индукция и дедукция! Сашке рассказываю, а он не верит, хихикает только. Что ты хочешь? Темный был, зашуганный...

– Можно подумать, – хмыкнул Эдик, – ты светом лучился!

– Молчи, морда, – добродушно сказал кушан.

– Сам морда!

– Не ругайтесь, – сделал замечание Искандер. – Эдуард, ты же культурный человек...

– И интеллигентный!

– И интеллигентный. А выражаешься, как варвар.

– Да это Гефестай все! Оч-чень грубая и неотесанная личность.

– А по сопатке? – агрессивно осведомился кушан.

– Видишь? – горько спросил Эдикус. – Вечно красней за него в цивилизованном обществе!

– Если кто-то ведет себя невоспитанно, – менторским тоном проговорил Искандер, – то это еще не означает, что нужно отказываться от нормативной лексики и принятых норм поведения.

– О-о! Какой же ты зануда!

Сергей улыбнулся, снова погружаясь в омут памяти. Все началось в 2006-м, в День конституции Таджикской Республики...

Искандер дозвонился к нему в Москву и попросил помочь – Рахмон Наккаш, тамошний «наркохан» и депутат меджлиса, совсем уж достал дядю Терентия, самого близкого человека для сына Ярная из Пурашупуры и сына славного Тиндара Селевкийского. Сергей мигом собрался и, с Эдиком на пару, вылетел в Душанбе. Оттуда они добрались до кишлака Юр-Тепе, где их ждали Искандер и Гефестай. Дядю Терентия к тому времени наккашевы уже словили – и держали в каталажке-зиндане. Лобанов взялся отвлечь охрану, пока друзья будут освобождать дядьку. Был праздник-той, был пир, были «культурно-массовые мероприятия» – песни и пляски, бои по правилам и без. Он тогда выступил против местного чемпиона-пахлавона Холмирзо, зятя самого Наккаша. И все шло хорошо до самого последнего момента. Сергей как думал? Пока он будет месить пахлавона, друзья подкатят на «уазике», вытащат дядьку Терентия, прихватят его самого и выжмут из мотора все лошадиные силы, чтобы уйти к Памирскому шоссе. А там ищи-свищи их! Скрылись бы, растворились в местном населении. Они бы с Эдиком вернулись в столицу бывшей родины, и Гефестая с Искандером прихватили бы с собой, и про дядьку бы не забыли...

Не вышло – защищаясь, он убил Холмирзо. И весь немудреный план полетел к черту... А жизнь так вывернулась, такой крутой вираж заложила, что крышу сносило поминутно!

Ибо довелось ему перешагнуть порог Врат. И оказаться в сто семнадцатом году нашей эры. В древней Парфии. Чокнуться можно!

...Они стояли на стенах Антиохии-Маргианы, защищая город от римлян, идущих на приступ. Угодили в плен, стали рабами-гладиаторами, один раз даже в Колизее выступили. Славный был бой, только тигра того до сей поры жаль. Хотя. Не убей он тогда усатого-полосатого, стал бы тигриным кормом, вкусным и питательным...

В тот «знаменательный день» сам префект претории¹¹ вручил Сергею меч-рудис, освобождая от боев на арене. На другой день префект не поленился явиться в школу гладиаторов и предложил Лобанову поступить на службу в преторию, в когарту для особых поручений. Сергей тогда согласился, но с условием – друзья станут в строй вместе с ним. Префекта наглость рудиария до того восхитила, что он согласился. Так Сергей Корнеевич Лобанов стал Сергием Корнелием Роксоланом. И началось.

Заговор четырех консуляров¹² стал первой пробой на прочность. Ничего, выдюжили. И со вторым заданием справились – вчера только из Египта вернулись, «злого волшебника» Зухоса ликвидировав, врага народа римского, а завтра им приказано явиться в дом префекта. Видать по всему, готовится новая миссия из разряда невыполнимых...

Тут ровное течение мыслей Сергеевых пресеклось – с громким гогомом в таверну ввалились батавы. В кожаных штанах и куртках, волосатые, бородатые, с длинными мечами. Целая тысяча этих свирепых вонючих мужиков из Германии стояла лагерем на Целии – как противовес претории. Копьеносцы-гастилиарии из племени батавов составляли императорский эскорт, а любая встреча с преторианцами заканчивалась дракой.

К Ларсинии занесло шестерых. Пятеро батавов были помоложе, один постарше, но зато какой – двухметровый! Краснощекий богатырь с мышцами, борода венником – вылитый Бар-малей.

– Гвардейцы кардинала! – быстро проговорил Эдик и допил вино.

Искандер брезгливо поморщился – от батавов ощутимо несло, – а Гефестай довольно крякнул.

¹¹ Префект претории – начальник императорской гвардии, одна из высших должностей, доступных для сословия всадников.

¹² Консуляр – почетное звание для бывшего консула.

– Самое время, – сказал он, неспешно затягивая перевязь. – Напились, наелись... Разборка на десерт.

Бармалей заорал:

– Очистить помещение!

Молодой батав весело загоготал и поддержал старшего товарища:

– Кыш отсюда, петухи!¹³ Остальные умело прокукарекали.

Четверка преторианцев сделала вид, что это не к ней относится.

– Я сказал... – затянул Бармалей, багровея.

– Чем это вдруг завоняло? – перебил его Чанба. – Из латрины, что ли, подтекло?

– Не-е... – ухмыльнулся Ярнаев сын. – Это германское дерьмо само к нам пришло! Воон в тех бурдюках, видишь?

– А-а! – «догадался» Эдик. – Вижу, вижу! Такие, на ножках, да?

– Во-во! Батавы называются.

– А заросли-то... Мама дорогая! Это ж сколько в тех бородищах блох...

– Блох! – фыркнул Гефестай. – Да там уже тараканы завелись! Или мыши.

– А в тебе заведутся черви! – прорычал рыжебородый Бармалей и вытащил меч. – Скоро!

– Не понял, – озадачился абхаз, вставая и сладко потягиваясь, – им чего надо-то?

– Видишь, железяку показывает? – растолковал ему кушан, вытаскивая из ножен длинный сарматский меч-карту с перекрестьем в виде полумесяца. – Это он намекает так, чтоб мы ему бороду сбрили! Закусали человека насекомые, заели совсем...

– Стрижем-бреем, скальпы снимаем! – пропел Чанба, вооружаясь гладием.

Бармалей рванулся, обрушивая тяжелый клинок на Эдика, но тот ловок был – отскочил, пропарывая германцу и куртку, и кожу. Меч Бармалея развалил столик, сбрасывая посуду, и застрял в точеной подставке. Гефестай не оплошал, подрубил великана из северных лесов.

– Первый клиент обслужен! – выкрикнул абхаз. – Следующий!

Молодые германские воины не уstraшили – их охватило лихое бешенство. С криками «Хох! Хох!» они бросились на преторианцев всем скопом.

– Наша очередь, – сказал кентурион, вставая из-за стола.

Тиндарид кивнул, дожевывая грушу из Сигнии, и поднялся. Бросил руки за плечи и выхватил из ножен за спиной оба своих меча – две длинных узких полуспаты испанской ковки.

Роксолан вынул из ножен свой акинак – скифский меч длиной в локоть. Хорошее оружие, хоть и древнее. Само в руку просится.

Искандер скрестил мечи и развел их с вкрадчивым, позванивавшим шорохом. На него налетел батав в распахнутой куртке, открывавшей волосатую грудь, украшенную клыками и когтями медведя, нанизанными на шнурок. Могучую шею, почти скрытую кудлатой бородой, охватывала толстая золотая цепь.

– «Златая цепь на дубе том...» – продекламировал сын Тиндара.

Германец сделал мощный выпад, достаточный, чтобы вышибить дверь. Левый меч Искандера отбил батавский клинок, а правый поразил гастилиярия в бок. Батав грузно опустился на пол, с детским изумлением глядя на кровавый фонтанчик, пачкающий штаны.

– Рана, конечно, болезненная, – прокомментировал элин, бывший хирург и завполиклиникой, – но не смертельная. Жить будешь!

Два батава сцепились с Гефестаем и Эдиком, третий прыгал за их спинами, норовя достать преторианцев через головы друзей. Четвертый, шарахнувшись от Искандера, возник перед Сергием, держа в правой руке меч, а в левой – нож, размерами не уступающий акинаку.

¹³ «Петухами» германцы презрительно звали римлян за их привычку украшать шлемы перьями (обычай, заимствованный у галлов).

Роксолан отшагнул, подпуская батава поближе. Кровь, разбавленная фалерном, бурлила, требуя предать варвара смерти. Германский меч просвистел в воздухе сверкающей дугой, справа налево, и неторопливые движения Лобанова мгновенно набрали скорость. Он перекинул акинак в левую ладонь и сделал резкий выпад, накалывая батава между ребер. Гастилиарий взревел, отмахивая мечом наискосок, полосуя воздух ножом.

Сергий ударил ногой, перешибая батаву левую руку в запястье. Та изогнулась не здорово, а нож отлетел к стене. До Роксолана донеслись громкие причитания хозяина таверны, с ужасом наблюдающего за тем, как приходит в негодность его собственность.

– Может, хватит? – спросил Сергей батава.

Тот набычился только – и попер в атаку. Теперь германец стал осторожнее, не делал широких замахов, брал не силой, а умением. Нападал и тут же отскакивал.

Лобанов отступил к накрытому столу и спросил:

– Выпьешь?

Голубые северные глаза выразили озадаченность, но руки продолжали орудовать мечом.

– Ну, не хочешь, как хочешь...

Сергий поймал германский меч в верхнем блоке, задержал и ударил ногой, целясь батаву в брюхо. Германец хэкнул, отлетая к стене.

– А я выпью.

Лобанов подцепил свою чашу и сделал глоток. Это демонстративное пренебрежение к противнику просто взбесило батава. Гастилиарий зарычал и оттолкнулся от стены, взмахивая мечом.

Прихватив с блюда кусочек сальца, Сергей кинул его в рот и тут же согнулся, опускаясь на колени, – батавский клинок прогудел поверху. Роксолан тотчас выпрямился, и акинак вошел германцу в бочину. Можно было довести удар до конца – до сердца, но зачем превращать приличную драку в пошлое мочилово?

– Торопиться надо при поносе, – наставительно сказал Лобанов, – и при ловле блох!

Он выдернул меч и шагнул в сторону, дабы сомлевший батав не повалил его. Сощурившись, Сергей огляделся. Искандер больше не дрался – сидел на скамье, опираясь на оба меча, и наблюдал за Гефестаем. Тот, отобрав клинок у своего противника, вразумлял германца кулаком. А кулачок у кушана был – что твоя гира.

– Не балуй, – приговаривал Гефестай, охаживая батава то с левой, то с правой. – Так себя хорошие мальчики не ведут! Доходит?

– А твой где? – поинтересовался Сергей у Эдика.

– А мой самый умный! – радостно ответил Чанба. – Сбёг, зараза!

– Он не зараза, – поправил его Искандер, – он только разносчик. И надо говорить не «сбег», а «сбежал».

– Хватит, – сказал Лобанов Гефестаю, – товарищ уже проникся.

– Ага, – согласился сын Ярная, – да я, в принципе, наигрался уже...

Он отпустил «товарища», и тот выстелился на полу, раскидывая немые конечности.

– Уходим, – решил Сергей, – а то как бы «самый умный» дружков не привел.

Эдик прихватил недопитое вино, Гефестай сгреб недоеденную закуску – и они ушли.

Ресторатор, дрожащий как в ознобе, с тоскою оглядел истекающих кровью батавов, ломаную мебель, битую посуду.

– О, Roma Dea! – простонал он, ломая руки.

А на улице, в исполнении квартета, грянула старинная легионерская песня:

Прячьте, мамы, дочерей,
Мы ведем к вам лысого развратника!

Глава третья, которая лишний раз доказывает, что подслушивать нехорошо

Луций Эльвий проснулся затемно, в часы четвертой стражи.¹⁴ Сев на край топчана, он потер ладонями лицо и вздохнул: тяжела жизнь клиента!¹⁵

Помолившись Латеранусу, богу домашнего огня, Змей встал и натянул через голову небеленую желто-коричневую тунику. Подцепив пальцами сандалии, он нагнулся за одеялом, которым укрывался. Это была его тога – овальный кусок сукна длиной десять локтей. Тогу надевали в несколько приемов, и одному в нее не облачиться. Никак. А надо...

Выругавшись, Змей постучал в стену и громко позвал:

– Ма-арк! Иди сюда!

Ворчание и брань соседа, нищего вольноотпущенника-либертина, не донеслись до гладиатора. Но вскоре зашаркали шаги, скрипнула дверь, и хриплый голос пробурчал:

– Ты мне дашь когда-нибудь выспаться? Или нет? Хмурый либертин появился на пороге, зябко кутаясь в ветхий плащ.

– Марк, – сказал Луций, – помоги с тогой! Ты, говорят, в этом деле специалист был?

– Был! – оскорбился Марк. – И был, и остался! Давай сюда.

Сбросив плащ, он взял тогу за широкий край, захватывая треть куска, и, собрав складками, перекинул через левое плечо Луция Эльвия, следя за тем, чтобы была покрыта левая рука гладиатора, а передний конец свисал почти до пола.

– Я, бывало, – вспоминал Марк, – с вечера тогу хозяйскую готовил – складки, как надо, устрой, дощечками их проложу, и зажимчиками, зажимчиками.

Он пропустил материю под правой рукой Змея, на высоте бедра собрал в складки и, протянув по груди гладиатора наискосок, перекинул конец ему через левое плечо.

– Тoga у тебя, – проворчал Марк, – грязнее грязи!

– Сойдет...

Опустив остаток ткани полукругом чуть пониже колена, Марк тщательно устроил складки и перебрал конец опять через левое плечо Луция.

– Готово! – сказал он горделиво и зачитал из Вергилия: – «Вот они, мира владыки, народ, облекшийся в тогу!»

– Иди ты... – буркнул гладиатор.

– Принесешь мне хоть колбаски кусочек.

– Ладно... Если самому достанется!

– Давай...

Змей замер у порога и вышел из дому с правой ноги. Нашаривая в потемках ступени, он спустился во двор, умылся из фонтана и вытерся тогой, стараясь не разрушить творение Марка.

Субура была пуста и тиха, сандалии Эльвия громко щелкали, озвучивая размеренный шаг.

Было довольно прохладно, да еще резкий аквилон посвистывал, забираясь под складки холодными пальцами, – не грела тога!

Идти было далеко, дом сенатора Элия Антония располагался на Малом Целии, «за девятым столбом, считая от храма Клавдия».

¹⁴ Время суток у римлян делилось на 24 часа: 12 часов длился день и 12 часов – ночь. И день, и ночь делились на стражи. Четвертая ночная стража – с двух до шести. Надо полагать, Луций пробудился в пятом часу утра.

¹⁵ Каждый богатый римлянин, как правило, обзаводился клиентами – отпущенниками и свободными, которых он брал на содержание, становясь для них патроном.

Луций миновал громаду терм Траяна и обогнул гороподобный амфитеатр Флавиев. Первые лучи солнца уже зажгли блики по верхнему, четвертому ярусу амфитеатра, на круглых бронзовых щитах, прибитых между коринфскими пилястрами. Громадная статуя Нерона из позолоченной бронзы, посвященная богу солнца, не дотягивалась и до третьего яруса, но лучистая диадема колосса уже отражала зарю. Солнце светило, но не грело.

Оглядываясь кругом – нет ли какой птицы, появление которой – к худу, Змей поплелся дальше и поднялся на Малый Целий.

С улицы разглядеть особняк-домус сенатора было трудно, мешала высокая каменная ограда, увенчанная бронзовыми изображениями сфинксов. А далее кучковались прилизанные веретена кипарисов, вставая еще одной стеной, темно-зеленой и тенистой.

Луций отворил калитку, не обращая внимания на грозную надпись: «Берегись собак», – сенатор держал в доме всего одного волкодава, да и тот был нарисован на стене.

Подходя к дому, гладиатор поморщился – у дверей толпилась целая свора клиентов, першихся сюда со всех концов Рима. Клиенты жались к самым дверям, толкались, грызлись между собой, лестили даже рабу, ведавшему впуском. Голоса звучали вперейбой:

– А чего это я должен тебя пропускать?

– Ишь ты его!

– Да я уже два дня не приходил!

– Видел я, как ты не приходил!

– Ага! Самый хитрый, что ли?

– Я вчера весь день пробежал перед носилками, и что? А ничего! Будто так и надо...

– Эй, не пускайте лысого!

– Ишь ты его!

– Кинул мне вчера пару сестерциев, и что? Дров я на них куплю? Нет! Дороги нынче дрова.

– Да я уже забыл, как хлеб из пшеницы выглядит. Ячменный ем, да и то не всегда.

– В легионах ячменными лепешками мулов кормят и лошадей...

– Так и я о том же!

Луций скромненько стал в сторонке, очень надеясь, что уж его-то патрон не оставит без завтрака. Да и где еще поешь горячего? В харчевнях? Так там сплошные бобы! Дома тоже не приготовишь – не на чем. Не на жаровне же с прогоревшим дном. Можно еще у разносчика перехватить чего-нибудь пожевать, только не всегда его встретишь. И чем платить?

Тут толпа оживилась – со скрипом отворилась входная дверь. Клиенты ринулись в проем, будто штурмом брали дом, – рыча, шипя, ругаясь, отталкивая слабых.

Луций Эльвий вошел последним и прошагал за всеми в атрий.¹⁶

Да-а... Вот кому живется! Атрий у сенатора был большой, настоящий «атриум тетрастилум» – четыре колонны из светло-зеленого мрамора, добытого на Каристосе, упирались в мозаичный пол и поддерживали расписные потолки. Прямоугольный прорез комплювия в своде цедил серый полусвет раннего утра, тускло отражаясь в бассейне-имплювии. Почти никакой обстановки в атрии не было, только пара табуреток-дифров с точеными ножками да мощный картибул – громоздкий стол с каменной продолговатой доской, утвержденной на сплошной мраморной плите. Плиту украшал барельеф – крылатые грифоны до отказа напрягали крылья и львиные лапы, удерживая столешницу, заставленную бронзовыми статуэтками и сосудами.

Тяжеловесный стол с грозными фигурами чудовищ как нельзя лучше подходил к обширному темноватому залу.

– Аве! – хором заорали клиенты.

«Ага! – понял Змей. – Патрон явил себя!»

¹⁶ Атрий – внутренний дворик в римском доме.

Клиенты принялись суетиться, исполняя ритуал ежедневного унижения, – иные целовали патрону руку, а один даже в поклоне прогнулся.

Сенатор выглядел весьма представительно – вальяжный мужчина с чеканным профилем цезаря, с лобастой, коротко остриженной головой, с фигурой борца – складки тоги маскировали изрядный животик.

Он лениво ответил на приветствия, некоторым пожал руки и скрылся в дверях экседры,¹⁷ одной из четырех, выходящих в атрий.

– Филомус Андроник! – воззвал раб-распорядитель. – Юлий Валенс! Ульпий Латин! Луций Эльвий! Вы остаетесь на завтрак, остальным будет выдана спортула.¹⁸ Не толпитесь, не толпитесь!

– А велика ли спортула? – выкрикнули из толпы.

– Пять сестерциев в одни руки!

– У-у-у... – разочарованно откликнулась толпа.

Мигом расхватав дармовые деньги, клиенты разошлись. Четверых избранных раб провел в экседру. Посередине комнаты располагался стол-моноподия, его круглая столешница покоилась на одной толстой мраморной ноге и была покрыта цитрусовым деревом «тигрового» окраса – на коричнево-красной древесине выделялись текстурные полосы, прямые и извилистые. Подобная доска, если она сделана из цельного цитруса, стоила от трехсот тысяч сестерциев до полумиллиона. Вряд ли за такой стол пустили бы клиентов. Следовательно, сделал вывод Луций, это только сверху цитрус – шпон, наклеенный на обычное дерево.

Элий Антоний Этерналис уже сидел за столом.

– Присаживайтесь, – сказал он холемым голосом. – Предки наши обедали сидя, последуем их примеру.

Бесшумно скользящие рабыни живенько накрыли стол к завтраку. Угощение было скромным: ломтики белого хлеба, смоченные в вине и намазанные медом, оливки, сушеный инжир, сыр, бобы и мелкая соленая рыбешка. Раб-номенклатор указал каждому из клиентов его место. Луций Эльвий оказался по левую руку от патрона. Было ли это благоволением сенатора или капризом раба, гладиатор не знал, да и не задумывался над этим – надо было поскорее набить желудок, который скукожился, как давеча кошель.

Во время завтрака сенатор помалкивал и почти ничего не ел – так, перехватил пару оливок. Клиенты умолотили все, смели крошки и откланялись. Сенатор покивал им, сказав негромко:

– Луций, останься.

Раб вышел проводить клиенту, а сенатор поднялся из-за стола и поманил гладиатора за собой.

Вразвалочку пройдя атрий, Элий Антоний миновал таблин, поклонившись ларам, смутно белеющим в нише, отдернул тяжелую кожаную штору и провел Луция в перистиль – обширный внутренний дворик, засаженный тамариском и папирусом, кустами роз и мирта. Воды в перистиле было изрядно – она била фонтанами, текла в канавках, каскадом скатывалась с лестнички, устроенной из плоских камней. Перистиль окружала крытая галерея, ее поддерживали шестнадцать колонн из розового фригийского мрамора.

Ни слова не говоря, сенатор прошествовал в триклиний – большую комнату, вдоль стен которой выстроились колонны. Триклиний был обставлен по обычаю – в середине помещался круглый стол, а вокруг него – три обеденных ложа, настолько широкие, что на каждом поместились бы трое.

¹⁷ Экседра – комната, имевшая отдельный вход-выход – либо в атрий, либо во двор-перистиль. А то и на улицу.

¹⁸ Спортула – букв. «корзинка». Так назывался сухой паек, которым патрон оделял клиентов. Иногда спортула выдавалась мелкими деньгами.

Сенатор устроился на «нижнем ложе», улегся наискось, опираясь левым локтем на подушку в пурпурной наволочке. Жестом он указал Луцию место на почетном «верхнем ложе».

– Я думаю, – сказал Элий Антоний с понимающей улыбкой, – что завтраком ты не наелся.

Он сделал знак – и рабы поспешили выполнить приказ – притащили «белоснежной каши» из полбы с колбасками, бледных бобов с красноватым салом, жареную макрель под острым гарумом,¹⁹ улиток и устриц. По чашам раб-виночерпий разлил выдержанное сетинское.

– Да будут благосклонны к нам боги, – сказал хозяин, роняя капли вина. – Угощайся!

Стараясь не подавиться слюной, клиент взял тарелку в левую руку, а правой стал накладывать. Схозячив и порцию, и добавку, он стал разборчивей. Круглой ложкой-кохлеаром Змей взял улитку, острием на ручке выковырял моллюска из его раковины. М-да. Давненько он такого не едал! Каждый бы раз так завтракать. Хотя б через день. Вздохнув, Змей раздавил пустую ракушку, а то еще использует кто для заклятий.

Мальчик-раб прочел на лице у Луция, что гость наелся, и поднес серебряную миску с теплой водицей, по которой корабликами плавали лепестки цветов. Гладиатор ополоснул жирные пальцы и насухо вытер руки бахромчатой салфеткой. И приготовился слушать.

Сенатор неторопливо отвалился на ложе, подsunул под бок мягкий валик, поудобнее устроил руку на подушке. Сказал значительно:

– Есть дело.

– Я весь внимание.

Патрон посопел, ворохнулся, оглядываясь, и склонился к клиенту.

– Я получил интересные вести из Дакии, – негромко проговорил он. – Кое-кто, близкий к императору, думает, что лишь он один в курсе событий, однако новости – как вода, путь найдут... Короче. Тебе надо будет послушать один очень важный разговор...

– Всего-то? – скривился Луций.

Сенатор обнажил в улыбке ряд безупречных зубов.

– Разговор состоится сегодня вечером... – сказал он, выдержал паузу и добавил: – В доме Квинта Марция Турбона Фронтон Публиция Севера.

– Префекта претории? – Брови у гладиатора полезли на лоб.

– Именно. Только учти: Марций Турбон соберет у себя четырех преторианцев, искушенных в своем ремесле... Поэтому берегись – эти люди очень опасны!

Змей пренебрежительно хмыкнул.

– Еще неизвестно, – сказал он с оттенком надменности, – кто из нас опаснее.

– Четверка, – веско проговорил сенатор, – на днях вернулась из Египта, где прикончила самого Зухоса!

– Да неужто? – пробормотал Луций. – Вчера в цирке я уже слышал это имя...

– А о четырех консулярах слышал?

– И что?

– Это тоже их работа!

– Да?

Луций Эльвий задумался.

– Ладно, – сказал он, будто делая одолжение, – поберегусь.

– Только постарайся не вляпаться никуда, ладно? Чтоб никаких драк и прочего... Мне очень нужно знать, чего там префект нарешает, понял? Сегодня же!

– Понял, патрон, – усмехнулся Змей. – Сегодня – так сегодня...

Дом Марция Турбона не поражал особой роскошью, хоть и занимал недурной участок на Эсквиллине, в богатеньких Каринах. С улицы только и видна была колоннада, окружающая

¹⁹ Рыбный соус.

дом, – всё пространство между колоннами и высокой оградой было загромождено пышной зеленью, которой позволяли расти как ей вздумается. И вот виноградные лозы густо заплели раскидистые платаны, а розовые кусты разрослись как подлесок, пряча от глаз белые чаши фонтанов и несколько одиноких статуй.

Солнце уже садилось за Яникульским холмом, когда Луций Эльвий появился у владений префекта претории. Сощурившись, он огляделся. Ломиться в ворота, пожалуй, не стоит. Наверняка там есть охрана, а связываться со стражниками не входило в планы Змея. Проникнуть надо тихо и незаметно. Он обратил внимание на соседний домус. Ограда между ним и особняком Марция Турбона была куда ниже внешней. Не раздумывая, гладиатор двинулся к домусу. Перелезть через решетчатые ворота было делом скорым. Правда, не вовремя подвернулся раб-привратник – завитый и напомаженный красавчик с томным выражением лица. Луций скользнул ему за спину и локтем обхватил шею. Красавчик сомлел и был уложен на травку. Когда очухается, вряд ли побежит докладывать хозяину о происшествии.

Оглядываясь, Эльвий заскользил к ограде. «Помогите мне, о, Полленция и Валенция, продолжить начатое дело! – вознес он молитву. – Дай силы, о, Престана, закончить его!»

Перемахнув забор, Змей замер и прислушался. Тишина. Только где-то в доме тренькает кифара, да свежий октябрьский ветерок лохматит жесткую листву.

Крадучись, Луций прошел к дому. Он решил использовать свою старую, не раз опробованную методику – заходить сверху. Откуда ждут воров? Откуда ждут, там и запирают. И стерегут окна, двери, портики. А мы – с крыши!

Выглядывая из-за кустов жасмина, он внимательно осмотрел домус и нашел неплохое место для подъема – там, где от левого крыла отходил портик. Бесшумно ступая, Змей зашел в угол и погладил мраморную статую Геркулеса, стоящую у стены. Вскарабкавшись герою на плечи, гладиатор выпрямился и переступил на карниз. Левую ногу – в круглое вентиляционное отверстие, подтягиваемся. Правую ногу закидываем на парапет соляриума, переваливаемся. Вот мы и дома у префекта!

Обойдя соляриум с расставленными креслами и кушетками, Луций Эльвий выглянул во внутренний дворик-атрий. Посреди дворика, в бассейне-имплювии, плескалась вода, рябая от бьющего фонтана. Двор замыкался крытой галереей, по ее периметру росли цветы, почти все засохшие. В галерею выходили двери внутренних помещений домуса, оттуда доносились неразличимые голоса.

«Та-ак... – подумал Луций. – Торчать на виду не есть хорошо...» Он снова перелез через парапет и ступил на покатую черепичную крышу. Черепица была крепко посажена на раствор и под ногами не брякала. По гребню Змей перебрался на другую сторону, обойдя атрий слева. Голоса вдруг стали явственней, гладиатор мгновенно присел и распластался на крыше.

В атрий вышел Марций Турбон, одетый в тогу-трабею с узкой каймой, за ним показался высокий блондин с холодным твердым лицом. Волосы блондина были подстрижены по римской моде, подбородок был гладко выбрит, но одевался он как варвар – в штаны с галльским наборным поясом. Туника – причем с длинным рукавом!²⁰ – была в эти штаны заправлена, а сверху блондин накинул кожаную куртку с бахромой по шву. И обут как галл или германец! Не в сандалии – калиги или, там, кальцеи,²¹ а в мягкие полусапожки, завязанные ремешками.

Луций даже приподнялся на локте от изумления – это был тот самый блондин, виденный им в Большом Цирке! Ну и дела...

– Я рад, Сергей, – сказал префект блондину, – что посылаю именно вас. Вы все люди проверенные, надежные, а мне, знаешь ли, меньше всего хотелось бы провала операции. Дакия

²⁰ Длинный рукав римляне считали признаком изнеженности, не подобающей мужчине.

²¹ Калиги – сандалии легионера на тройной подошве, подбитой медными гвоздями. Кальцеи – римские сандалии, в отличие от эллинских – высокие, в эллинские обували рабов.

– это такой клубок проблем! Там нельзя действовать грубо, напролом. Сколько уже лет прошло, а даки и геты всё равно очень болезненно переживают свое поражение...

– Я не думаю, что они все выступят против Рима, если кто-то развяжет Третью Дакийскую войну, – подал голос Сергей. – Многим куда спокойней спать под охраной легионов и ходить в термы, нежели ночевать у походных костров.

– Вот потому-то и не разгорается пока Третья Дакийская! – подхватил префект и оглянулся. – Гефестай! – позвал он. – Эдуардус! Долго вас ждать?

– Точно... – прошептал Луций. – Они...

– Мы уже идем! – прогудел бас, и в атрий вышел Гефестай – огромный загорелый человек, одетый в манере Сергия, разве что могучие плечи гиганта покрывала не куртка, а плащ из сукна.

Следом за великаном показался крепыш среднего роста, уплетающий ломоть сочной дыни. Он ел с таким аппетитом, с такими хлюпами, что даже глаза прикрыл.

– Если Эдик дорвется до бахчевых культур, всё... – сказал гигант. – И куда только влезает?

– Как говорил мой дед Могамчери, – жизнерадостно ответил Эдик, – когда рядом нет девушки, наслаждайся сладкой дыней!

Не слушая его, Сергей обратился к великану Гефестаю:

– А Искандер где?

– Сказал, что походит вокруг, обнюхается.

– Уже, – послышался спокойный голос, и из тени колонн вышел сухощавый эллин с длинными черными волосами, стянутыми на затылке в «хвост». На Искандере, единственном из четверки, была перевязь. И не один меч, а сразу два: пара длинных рукоятей торчала у него над плечами.

– Начнем! – сказал Марций Турбон с оттенком нетерпения. – Рассаживайтесь.

Сергей занял кресло-биселлу, Гефестай с Эдиком устроились на мраморном краю имплювия, а Искандер садиться не стал – прислонился к колонне и сложил руки на груди.

– Ну, обстановку в Дакии описывать не стану, – начал префект. – Прибудете когда, сами разберетесь. Скажу одно – тревожно в Дакии. Непокойно. Даки-недобитки сбиваются в банды и шалят по окраине. Купцов грабят, на деревни нападают, у пастухов скотину угоняют. Но Оролес всех переплюнул – уже раза два нападал на наши каструмы!²² Видать, хотел оружием разжиться. Оролес – штука та еще. Собрал, висельник, большую банду – полторы тысячи клинков, а то и две тысячи. Это серьезная сила...

– Подумаешь! – фыркнул Эдик. – У Децебала было двести тысяч. И ничего, справились как-то...

Марций Турбон усмехнулся.

– У Децебала было много золота, – проговорил он, – за него царь покупал оружие и платил наемникам. Если Оролес разживется золотишком, он поступит так же. И язиги, и роксоланы тут же наплюют на все договоры с нами и пойдут за Оролесом. А конница у этих варваров знатная, не хуже, чем у парфян!

– Так было ли в действительности золото Децебала, или мы пользуемся непроверенной информацией? – прямо спросил Искандер.

– Скорее всего, было, – серьезно кивнул префект. – Хотя почему – было? Есть! Есть золото, до сих пор лежит где-то в северо-восточном углу Венедских гор.²³ Повторю всё, что

²² Каструм – военный лагерь, база.

²³ Венедскими горами римляне называли Карпаты. Южные Карпаты именовались Серрорскими горами, а Восточные – Бастарнскими Альпами.

знаю. В прошлом месяце из Египта вернулся главный жрец дакийского бога Замолксиса по имени Сирм...

...Сирм вышел на крутой берег и огляделся. Данувий.²⁴ Река несла свои мутные воды к морю, отдаляя земли Дакии на милю. Сколькo ила она уже пронесла мимо этих берегов, пока он жарился в далеком чужом Египте! Десять лет он провел с мудрецами Саиса, но каждый день вспоминал о своей холодной родине. Смотрел на Нил, а видел Данувий. Вот и свиделись.

Сирм был одет как любой эллин или фракиец, обитающий в Мезии, – в хитон и теплый плащ-химатий. Голову его прикрывал петас – широкополая шляпа из грубого сукна, а ноги были в обмотках, по обычаю пастухов. Некрасиво? Зато тепло.

Дунул ветер с севера, и жрец глубоко вдохнул. Воздух пах водорослями и чуть-чуть рыбой. Родные, незабвенные ароматы. Но если повернуть голову к западу, глаза колет гигантский римский мост, Понс Траянис, соединивший берега Данувия. Мост стоял нерушимо, твердо, он подавлял своей величиной, заявляя право Рима на левый дакийский берег и выказывая великую мощь империи.

Сирм сжал зубы и зашагал к мосту.

Великолепное творение Аполлодора Дамасского составляли две неравные части – с правого, мезийского берега до маленького островка посреди данувийских вод, где серела камнем крепость Понтис, тянулись шагов на триста деревянные пролеты, а сам Траянов мост начинался у северной крепостной стены. Оттуда Понс Траянис уходил через реку к Дакии – двадцать могучих быков, каждый высотой в сорок локтей, держали настил, вымощенный кирпичом, сходясь сводами, и поднимали еще выше каменные арки на входе и выходе с моста.

Хмурый первосвященник зашагал по предмостью, оглядываясь, и вдруг на душе у него потеплело – деревянный мост был разборным. Значит, не так уж прочно засели в Дакии римские псы! Боятся «петухи», что прихлынут дакийские сотни и пойдут в набег.

– И пойдут!.. – прошептал Сирм, словно клятву дал.

Он быстро одолел Понтис и поравнялся с замостовой площадкой. Дозорный с наблюдательной башни протрубил в рожок. Из караульни вышел легионер и распахнул ворота, окованные медными листами. На Сирма он даже не взглянул.

Жрец миновал башню-арку и пошагал с краю, боязливо косясь на крутящуюся внизу воду, шумно обтекающую каменные устои моста. Громадные опоры живо напомнили Сирму пилоны египетских храмов – те были такими же высокими и массивными.

– Великий Замолксис! – пробормотал он и поежился. Зябко было первосвященнику. И страшно – этот нескончаемый Понс Траянис подточил его веру в победу.

Пройдя под концевой аркой, жрец остановился и обвел глазами предмостные укрепления. Две квадратные крепости-кастеллы в тридцать локтей высоты соединялись кирпичной стеной толщиной в шесть футов,²⁵ усиленной дюжиной башен-бургов. Дорога с моста выходила из узких ворот главной кастеллы и шла между военным лагерем Дробета и канабом,²⁶ разросшимся в немалый городишко.

Целая армия нужна, чтобы взять мост, и еще не факт, что штурм будет удачным. «А зачем нам штурмовать Понс Траянис?! – неожиданно развеселился Сирм. – Придет зима, Данувий покроется крепким льдом, и даки перейдут на тот берег в любом месте!»

Кривя губы в злой усмешке, жрец Замолксиса прошагал до канаба и свернул на прямую и ровную Декуманус Максимус. Улица привела его к маленькой священной роще, чудом уцелевшей в последнюю войну. В глубину рощи вводила аллея, вымощенная камнем, она упиралась

²⁴ Данувий – Дунай.

²⁵ Римский фут – 29,6 см. Шаг (5 футов) – 1,48 м. 1 миля (1000 шагов) – 1,48 км.

²⁶ Канаб – поселок при военном лагере.

в ворота небольшого храма Замолксиса – римляне не мешали дакам молиться своим богам. Чем бы варвары ни тешились, лишь бы за мечи не брались...

Подняв посох, Сирм постучал в ворота. Гулкий звук разнесся по храму. Не скоро створка ворот отошла в сторону, и наружу выглянул плешивый боязливый человечек лет пятидесяти, в белом жреческом одеянии до пят и с золотым обручем на голове, смешно обжимающим скобку седых волос.

– Кто ты, путник? – спросил он. – И чего ищешь в святом месте?

Сирм усмехнулся и выговорил весомо:

– Меня зовут Сирм сын Мукапиуса, я первосвященник Великого Замолксиса и сыновей его Кабиров!

Жрец в страхе выпучил глаза.

– Н-нет! – выдавил он. – Сирм умер!

Первосвященник молча задрал полу плаща и продемонстрировал жрецу запястье. На загорелой коже проглядывала татуировка – волкоголовый дракон сплетал длинное тело в кольца и щерил клыки.

– О-о! – расширил глаза жрец, порываясь пасть на колени.

– Эту метку оставил мне мой отец, – гордо сказал Сирм. – Он удалился на поля Кабиров, но я остался. И доведу дело его до конца.

– Да будет милостив к нам Величайший Безымянный! – молитвенно прошептал жрец. – Входи, о Сирм, будь хозяином в моем доме.

Войдя, первосвященник снял петас, обнажив коротко остриженную голову.

– Меня зовут Скорий, – говорил жрец, шагая впереди нежданного гостя, – еще великий отец твой Мукапиус поставил меня сюда, и я сберег рошу. И храм тоже в целости!

Обернувшись, он удивленно воскликнул:

– А где твои волосы?

Сирм усмехнулся и погладил ладонью седую щетину на макушке.

– Я жил в Египте, – объяснил он, – а у тамошних жрецов в обычае брить голову. Не выделяться же.

– Ясненько, ясненько, – закивал Скорий и засуетился: – Сейчас принесу что поесть!

Стол он накрыл в личных покоях – небольшой комнате с огромным камином и маленькими оконцами, заделанными слюдой.

– Таковую комнатку, – болтал настоятель храма, – легче протопить. Охапки дров мне хватает на весь день!

Смахнув пыль со стола, он расставил миски и чашки. Яства были обычными, без изысков – просяная каша, кусок вареной кабанятины, старое сальтензийское вино и, на закуску, соленый фундук.

Сирм набросился на еду, словно хотел насытиться за все десять лет воздержания – где бы он попробовал такое в Египте?

– Зачем ты вернулся, Сирм? – негромко спросил Скорий. – После смерти Мукапиуса ты стал главным жрецом, римляне долго искали тебя, за твою голову была назначена награда... Разве не страшно тебе?

– Страшно, – согласился сын Мукапиуса. – Но я не потому удалился в Египет, что меня гнал страх. Мне ли бояться смерти? Мне, ходившему по краю рядом с отцом и Децебалом? Нет, я просто опустил руки тогда, ибо не видел просвета и не имел надежды. Даки или погибали, или попадали в рабство, или становились на сторону римлян. И с кем мне было выступить против владычества Рима? Кого звать? – Сирм мрачно покачал головой и продолжил: – Все десять лет я выходил на пристань Саиса и расспрашивал купцов, как тут у вас дела. И десять лет подряд меня успокаивали, говорили, что в Дакии «все спокойно», – одних разбойников-даков умиротворили, а другие – и даки, и геты, и буры, и карпианы, – покинули свои земли, ушли

за Пирет, в Пустыню гетов или к берегам Гипаниса. Капля за каплей уходила и моя надежда, когда вдруг я услышал новость. Фракийский купец поведал ее мне. Дескать, появился в Дакии некий Оролес, называет себя наследником Децебала, собирает воинов, дерзает нападать на военные лагеря римлян. И надежда вновь переполнила меня! Ах, думаю, услышал Замолксис мои молитвы, послал Дакии спасителя!

Скорий заерзал, смущенно покряхтывая.

– Вообще-то, «свободными даками», что скрылись за Пиретом, правит Тарб, – осторожно заметил он. – Оролес сын Москона – всего лишь военачальник Тарба, его правая рука. И потом... Оролес дерзок, это правда, но он нападает не только на римлян... От него стонут все – от Бурридавы до Напоки.

– А что же делать? – горячо сказал Сирм. – Как ему быть? Разве можно собрать армию, никого не потревожив? Я для того и прибыл, чтобы помочь Оролесу вернуть любовь даков! Согласись, Скорий, если бы Децебал действовал так же, как Оролес, римляне давно бы овладели Дакией. Ибо кто поддержит царя, грабящего свой народ?

– У Децебала было золото... – решил вставить настоятель.

– О! – восхитился Сирм и выставил палец. – Золото! А тебе известно, Скорий, что не все сокровища Децебала обогатили римлян?

– Ну-у... Я слышал о тайнике на горе Когайнон, но никто не знает, где это... Дорога на Когайнон была ведома одному лишь Мукапиусу...

– И мне! Я лично провел на Когайнон три воза с золотом. Его там, если мерить по весу, потянет на хорошего быка! Со мною были рабы-землекопы, охрана и сам царь. Рабов убили, их трупы схоронили вместе с кладом. Охранникам я скормил отраву. Царь мертв. Один я знаю тайну Когайнона! И я готов открыть ее Оролесу или Тарбу, мне все равно. Лишь бы новый царь поклялся, что употребит золото на пользу дакам! – Внезапно изменив тон, Сирм деловито добавил: – Ты должен помочь мне в этом.

– Я?! – изумился Скорий и побледнел. – Д-ды... Да к-как же... Конечно, парни Оролеса з-заглядывают ко мне тайком, но...

Сирм навалился на стол и вперил в Скория немигающие зрачки.

– Тебе нужно будет встретиться с людьми этого сына Москона, – отдельно проговорил первосвященник, – и предложить сделку: мы ему золото, он нам – борьбу с Римом! Золото Когайнона будет теми дровами, из которых возгорится война! Оролес купит оружие и наймет сарматских конников, он будет платить дакам за продовольствие, и те сами станут помогать ему – прятать раненых бойцов, сообщать важные новости, вредить римлянам по-всякому!

Скорий растерянно водил ладонями по столу.

– Я попробую... – промямлил он и вздохнул обреченно. – В священной роще есть дуб, – добавил жрец бодрее, – а в нем дупло. Время от времени посланец Оролеса оставляет в нем записку – просит разузнать что-то, передать кое-кому пару слов... Ответ я оставляю там же...

– Пиши! – приказал Сирм. – Пиши про золото, только не упоминай мое имя. И чтоб сразу положил в дупло! Время не ждет, осень на дворе. Если зарядят дожди, дороги развезет. Действуй, брат!

Оставив вечером записку в дупле старого дуба, утром Скорий ее не нашел. После заката Сирм погнал жреца проверить «почтовый ящик», и тот обнаружил ответ – неизвестный назначил встречу в таверне «Мешок гвоздей». Делать нечего, Скорий закутался в химатий и отправился на встречу.

Таверну срубили из дерева на окраине канаба, выстроив в два этажа, подняв над входом навес на столбах. Ветер задувал, кроя лужи рябью, проникая под плащ и вызывая сочувствие к одиноким странникам в ночи. Все окна таверны были прикрыты ставнями, в щели сочился желтый свет, говоря о тепле и уюте.

Озябший Скорий бегом одолел ступеньки и отворил тяжелую дверь. За порогом он увидел длинный зал с низким потолком, подпертым резными столбами. Пол был посыпан резаной соломой, за длинными столами сидели местные выпивохи, держась подальше от парочки загулявших легионеров, громко гогочущих, пьющих вино и догрызающих жареного гуся. И куда в них только помещается.

Повертев головой, Скорий заметил хозяина таверны, курчавого горбоносого эллина с хищным взглядом и серьгой в ухе.

– Уважаемый, – обратился к нему жрец, – мне нужен Бицилис...

– Ага! – буркнул кабатчик. – А сам-то ты кто будешь?

– Скорий меня зовут.

Хозяин покосился на римлян, наклонился к уху жреца и сказал:

– По лестнице поднимешься на второй этаж. По коридору налево, последняя дверь.

Скорий мелко закивал и поспешил наверх. За последней дверью по левой стороне он обнаружил небольшую комнатенку с одним окошком, задернутым промасленной тканью. Всей обстановки – стол да стулья. В углу горел камин, испуская волны тепла. В комнате находились двое – коренастые, с лицами цвета седельной кожи. То ли загорели так, то ли примесь сарматской крови осмуглила кожу. Волосы у обоих были длинные, слипшиеся в сальные сосульки, головы – покрыты войлочными колпаками. Пахли коренастые потом, пылью и дымом.

– Я – Бицилис! – сообщил один из них, с рассеченной бровью. Бровь срослась неправильно – одна половинка ее поднималась выше, другая ниже. – Зачем звал?

Скорий боялся обоих, но вскинул голову и отважно заявил:

– Мы хотим помочь Оролесу стать настоящим царем...

– Кто это – «мы»? – перебил его товарищ Бицилиса с перебитым и скривившимся носом. Дышал он с громким сопением, а голос имел гнусавый.

– Это неважно! – отрезал жрец. – Слушайте и передайте Оролесу. Если он хочет править Дакией, то его долг – изгнать римлян. Оролес отважен, но одной смелости мало, нужно золото. Мы знаем, как пройти к горе Когайнон. Там есть святилище Замолксиса. В нем царь Децебал спрятал свои сокровища. Мы поможем Оролесу овладеть ими...

– Ага! – осклабился Бицилис. – Так и передадим! А теперь давай подробнее. Как туда пройти? Где та гора? Как найти схрон?

– Этого я не знаю, – помотал головой Скорий.

– Не знаешь? – ласково спросил Бицилис. – Или не хочешь сказать?

– Да я бы сказал, – вяло запротестовал посланник Сирма, – но...

– А ты и скажешь! – сипло сказал дак с перебитым носом.

Вдвоем с Бицилисом они подхватили Скория и опрокинули его на стол. Жестоко выгнув жрецу руки и ноги, они прикрутили их веревками к точеным ножкам. Бицилис рывком сорвал со Скория химатий и разодрал тунику, обнажая хилое тело.

– Что вы... – задыхаясь, выдавил настоятель храма. – Как... Я же...

– Я же, ты же... – пробурчал Бицилис и шлепнул Скория по бледной коже живота. – Так где, ты говоришь, золото?

– Не... Не знаю я... Я...

– Ролес! – негромко позвал Бицилис, снимая с себя колпак.

Сипя и булькая носом, Ролес подошел к камину и черепком подобрал несколько угольев. Приблизившись к Скорию, он ловко опрокинул угли жрецу на живот и придавил сверху черепком, чтобы те не раскатились.

Несчастный посланник закричал, и Бицилис тут же запихал ему в рот колпак. Жрец извивался, тараща глаза, мыча и покрываясь потом. Потянуло горелым.

Ролес убрал черепок и грубой, мозолистой ладонью смел угольки. Бицилис вытащил колпак у Скория изо рта.

– Так как нам пройти к горе Когайнон? – спокойно спросил он.
– Да не знаю я! – страдающим голосом проныл жрец. Слезы полились у него из глаз, мешаясь с потом.
– Упорный! – весело сказал Ролес.
– Упертый, – поправил его Бицилис и сунул колпак обратно, затыкая Скорию рот. – Давай.
– Левую? – деловито спросил Ролес. – Или правую?
– Да какая разница.
Ролес пересыпал красных углей из камина на бронзовую жаровню, наложил сверху щепочек. Маленький костерок разгорелся, и дак подсунул жаровню под левую руку Скория. Языки пламени лизнули ладонь. Пальцы резко растопырились, жрец замычал, задергал головой, выгнулся дугой. Но даки вязали крепко. А рука горела, чернея на глазах...

Фарнакион сын Неоптолема, хозяин таверны, сидел в предпоследней комнате слева по коридору. От помещения, в котором Бицилис с Ролесом пытали Скорию, его отделяла тонкая перегородка, плетенная из ивы и обмазанная глиной, – через нее доносился даже шепот.

Фарнакион удобно устроился в кресле. Прислушиваясь, он старательно карябал на папирусе признательные показания Скория. Порою, когда крики жреца срывались в визг, сын Неоптолема морщился и качал головой с неодобрением. Очередной вопль неожиданно оборвался, сменившись хрипом, – и все стихло.

– Сдох, что ли? – донесся разочарованный голос Ролеса.
– Готов, – подтвердил Бицилис.
– Проклятие! Совсем народ выродился, потерпеть уже не может. Только начнешь – и всё уже!
– Старый он, здоровье не то... Ладно, уходим.
– А этого куда?
– Можешь с собой взять...
– Шутишь?
– Пошли, нам еще ехать и ехать...

Хлопнула дверь, тяжелые шаги прозвучали ясно и отдалились, приглохли. Заскрипели ступени лестницы.

Фарнакион дописал послание, свернул папирус, сунул его в деревянный тубус и задул свечу.

Таясь, он выглянул в коридор. Никого. Толкнув дверь в комнату, ставшую пыточной, эллин отшатнулся.

– О Зевес! – пробормотал он. – В головешку превратили. Ну и здоров был старикашка! Качая головой, Фарнакион спустился вниз.
– Архелай! – кликнул сын Неоптолема вороватого помощника. – Остаешься за меня! Я скоро...

Закутавшись в плащ, эллин вышел на улицу и торопливо пошагал к кастрому. На западных декуманских воротах должен дежурить Марк Лициний Итал, ему выходить с четвертой дневной на первую ночную стражу.

Фарнакион подошел ближе к караульной башне и позвал:

– Ма-арк! Эй!

Две башни зажимали ворота между собой. На балконе левой башни появился легионер. В правой руке он держал копье-гасту, левая сжимала факел. В вихрящемся свете были видны бронзовые нащечники и высокий налобник. Надменные складки бугрились в уголках губ.

– Это ты, Фарнакион? – прогремел хриплый бас.

– Я, Марк!

– Эй, Ювений, Леллий! Пропустить!

Фарнакион быстренько проскользнул в приоткрывшуюся створку окованных ворот и поднялся на башню. Марк Лициний Итал, примипил²⁷ Седьмого Клавдиева легиона, обернулся к Фарнакиону и недовольно спросил:

– Принцепса тебе? Фарнакион молча поклонился.

– Сейчас он подойдет.

На лестнице загремели шаги, и в караулку вошел, пригибая голову, принцепс²⁸ претории Цивика Цереал, крупный мужчина, круглолицый, с широкими покатыми плечами борца.

– Почему не в обычное время? – проворчал он, зыря на Фарнакиона.

– Важные и срочные новости! – поклонился кабатчик.

– Юпитер и Фортуна! И что надо?

– Срочно отправить письмо!

– Куда? В Сармизегетузу?

– Нет, в Рим!

– Что-о?! Кому?

– Префекту претории лично.

– Ты серьезно, Фарнакион?! Кабатчик поклонился и пробормотал:

– Светлейший просил сообщать обо всем важном немедленно.

Принцепс только головой покачал. Самому префекту.

– Леллий! – рявкнул он.

На пороге нарисовался легионер в сверкавшем панцире.

– Немедленно найти Квинта Помпедия Фалькона! Пусть седлает коня и берет подменных!

Леллий молча ударил себя кулаком в грудь и вышел.

– Кокцей! Олова, живо!

Не успела кончиться вода в клепсидре, а гонец уже скакал по дороге в Рим.

– Вот так, – хмуро сказал префект претории. – Ни Оролес, ни Тарб пока не знают, где золото, но остается Сирм.

– Всё ясно, – кивнул Сергей. – Значит, наше задание таково: мы прибываем в Дакию и пытаемся найти золото прежде Оролеса. Так?

– Так! – кивнул Марций Турбон. – Не будет золота – не будет и войны! Это главное. Письма к наместнику Дакии я уже накатал, возьмешь у корникулярия.²⁹ Это – на крайний случай. А вообще, постарайтесь не светиться. И вот еще что. В Египте вам помогали ваши рабы... Их у вас четверо?

– По одному на каждого, – улыбнулся Сергей.

– В Дакию поедете одни, – жестко предупредил префект.

– Одни так одни. Когда выезжать?

– Чем скорее, тем лучше!

– Значит, завтра с утра и отправимся.

Луций насторожился. Он видел голову префекта, видел Сергия и Гефестая с Эдиком. А где же Искандер? Он же стоял у колонны!

– Какая крупная птица гадит на крышу! – раздался вдруг насмешливый голос.

Гладиатор мгновенно перекатился на спину и выхватил нож. На фоне закатного неба обрисовался четкий контур человеческой фигуры с двумя рукоятями мечей за плечами. Стриганув ножом наискосок, Луций сделал новый пережат и вскочил. Свистнуло лезвие меча, рас-

²⁷ Примипил, «первым бросающий копье», – звание старшего кентуриона, командира первой кентурии первой когорты.

²⁸ Высокое звание для преторианца. Выше только преторианский трибун.

²⁹ Корникулярий – доверенный секретарь, помощник.

парывая его тунику и царапая кожу. Он отпрянул и бросился бежать. Сандалии скользили, и Эльвий мимолетно позавидовал Тиндариду, обутому в мягкие полусапожки. Вон как подкрался! Даже тени звука не уловило ухо!

Не оглядываясь, чтобы не полететь с крыши, Змей пробежал по гребню до второго внутреннего двора – перистилия. Внизу блеснула вода имплювия. Гладиатор съехал вниз, до самого края, оттолкнулся и прыгнул в бассейн. Прохладная вода погасила удар. Луций Эльвий распрямился и пружинкой выскочил из имплювия. Метнулся в портик, слыша беготню и крики за спиной, шарахнулся от черной фигуры, поднимающей меч, и с разбегу, рыбкой, вылетел в окно, решетки которого, по теплой погоде, не были закрыты. Что было за окном, он не знал, но надеялся, что не каменные плиты.

Змей упал на дорожку, посыпанную гравием. Перекувырнувшись, он подскочил и бросился бежать к ограде.

– Отжимай его! – азартно вопил сзади Эдик. – К забору, к забору!

– Слева заходи! – вторил ему бас Гефестая. – Се-режка-а!

– Эй, стой! Поймаю – хуже будет!

«Поймай сначала!» – мелькнуло у Луция. На высокую ограду он буквально взлетел – и мягко соскочил по другую сторону. Пронесся по парку соседа Марция Турбона и выскочил на улицу, полную народу. Луций Эльвий тут же сменил бег на неспешный шаг – и растворился в толпе, как птица в стае.

В особняк сенатора гладиатор вошел с черного хода, через позеленевшую бронзовую калитку. Калитка подалась туго, ржаво взвизгивая, и Луций шагнул на прямую дорожку, вымощенную плитками мрамора. По сторонам, словно почетный караул, выстроились прилизанные кипарисы. Эльвий передернул плечами – он не любил эти деревья. Почему? Может, потому, что кипарисы не шумят под ветром?..

Дорожка расширилась до аллеи и вывела к виридарии – открытой галерее, выходящей в парк. Под ее арками горели масляные светильники на узорных треножниках. Над Римом повисли синие сумерки, и желтое пламя словно сгущало тьму вокруг, освещая мозаичный пол галереи, выделяя белую субселлию – скамью, покрытую тирским пурпуром. На ней сидел, развалившись, хозяин дома. Элий Антоний позволил себе небрежность в одежде: встретил клиента, будучи в тунике. Туника выглядывала из-под теплого плаща – сенатор зябко кутался в него, постоянно подтыкая и натягивая.

– Что скажешь? – подался он вперед, едва завидев Луция.

«Эге. – подумал тот, – а превосходительному-то неймется!»

– Я присутствовал при беседе, – заговорил гладиатор, оглядываясь. Присмотрев биселлу – кресло с двумя сиденьями, – он устроился на нем, раскинув руки по гнутой спинке, и продолжил: – Марций Турбон собрал четверку редких головорезов и шлет их в Дакию.

– За золотом? – нетерпеливо спросил сенатор.

– За ним. Несколько возов золотишка – запас что надо! Но где царь Децебал устроил схрон, префекту претории неведомо. Вот он и шлет этих... опасных. Завтра с утра выезжают.

– Отлично! – бодро сказал патрон и нервно потер ладони. – Не откажешься проехать в ту же сторону?

– В Дакию? – удивился Луций.

– Туда! Я заплачу, не обижу. Эльвий поскреб в затылке.

– Мне тоже золото искать? – уточнил он.

– Пусть ищут преторианцы! – отрубил Элий Антоний. – А ты тихо следуй за ними. Вот найдут они золото – тогда только и действуй. Хочешь – убей их, хочешь – просто обдури, мне всё равно, лишь бы золото Децебала попало в мои сундуки! Тебя я знаю, Змей, потому и

посылаю. «Опасные» тебя не испугают, а к золоту ты равнодушен. И – главное! С тобой поедет мой сын.

– Гай?! – изумился Эльвий. – Клянусь Юпитером, вот это новость! Пожалей мальчика, превосходительный! Он капризен, как девушка, он изнежен и слаб! Его руки предпочитают мечу и веслу стило и гребень!

– Вот поэтому я и посылаю его с тобой, – сказал Элий Антоний с напором. – Гаю давно пора стать истинным мужчиной, а с тобой он живо повзрослеет! Да и не в этом дело, Луций. Дакийское золото мне действительно нужно, понимаешь? Очень и очень нужно. Такое дело кому попало не поручишь, а уж родному сыну я довериться могу. А вот и наш латиклавий!³⁰ – вскричал он.

На террасу выбрался молодой человек с прилизанными волосами, высокий, с широкими костлявыми плечами и длинными жилистыми руками. На нем были шлем с белым гребнем, стальной панцирь-торакс с искусной золоченой чеканкой и шпоры на сапогах. Поверх торакса Гай небрежно повязал белый шарф «кандидата в сенаторы». Холеное лицо трибуна-латиклавия выражало скуку.

– Септимий сказал, чтобы я нашел тебя, – выговорил он, растягивая гласные.

– Да, сын, – сдержанно сказал сенатор. – Познакомься, – усмехнулся он, – это Луций Эльвий, гладиатор, он же Змей. Завтра утром вы с ним отправитесь в Дакию.

– Ты так думаешь? – слабо улыбнулся Гай.

– Я так знаю! – рявкнул сенатор. – Оставь свои замашки и слушай! Твоя задача – найти в Дакии сокровища Децебала и овладеть ими. Иначе тебе никогда не стать сенатором! Ты проведешь остаток своих дней на нашей вилле в Далмации, питаешься хлебом, сыром и кислым вином. И не потому, что будешь наказан! – Сенатор отдышался и договорил уже спокойно: – Мы разорены, сын. У нас миллионные долги. Знаешь, почему я вчера не заседал в курии? Потому что моя единственная тога уже серая от грязи, а платить фулонам за стирку мне нечем!

– Всё так плохо? – пролепетал Гай.

– Всё гораздо хуже, – проворчал Элий Антоний, – но я и так наговорил лишнего. Поэтому езжай и найди золото. Луций всё знает, слушайся его во всем.

– Я?! Его?! – оскорбленно воскликнул Гай. – Трибун будет подчиняться какому-то гладиатору?

Сенатор недобро усмехнулся.

– Сын, – сказал он, – из тебя трибун, как из меня танцовщица. А Змей – гладиатор первого палуса.³¹ Он свободный гражданин, победивший в тридцати девяти боях!

– В сорока, – скромно заметил Луций.

– Тем более. Ты все понял, Гай? Растерянный трибун-латиклавий кивнул.

– И скоро ехать? – спросил он плаксиво.

– Завтра! – отрезал сенатор. – Отправитесь на рассвете. Гадания были успешны, а Фортуне я принес обильные жертвы. – Посопев, он добавил миролюбиво: – Не переживай так уж сильно, Гай. Ты отправишься в Дакию, как легат, в «вольное посольство».³² Тебя будут сопровождать четыре ликтора³³ – Луций, Бласий, Рубрий и Тиций. Как только прибудешь в Сармизегетузу, сразу ступай в службу наместника – пороешься в документах. У тебя будут полномочия, проверишь состояние дел с верованиями варваров. Ищи любую нить! Узнай, где стоят или стояли храмы этого их Замолксиса... или Залмоксиса? Ну, что-то в этом роде. Ищи следы

³⁰ Трибун-латиклавий – третий по значительности чин в легионе. Сыновья сенаторов производились в латиклавии хотя бы на год-два, чтобы набрать «стаж».

³¹ Палус – ранг. Гладиаторы делились на пять палусов, первый был высшим.

³² «Вольное посольство» (legationes liberae) было официальной командировкой по частным делам.

³³ Ликтор – сопровождающий посланника или высокое должностное лицо. Нес на плече фасции – пучок розог и топорик – как символы власти, могущей карать.

золота! И помни, Гай, – или ты вернешься с богатством, и тогда тебе обеспечена блестящая будущность, или мы с тобой переедем в самую занюханную инсулу, куда-нибудь в вонючую Субуру, и будем побираться, как последние пролетарии! Ты всё понял, Гай? Тебе я доверяю наше будущее!

– Постараюсь оправдать доверие. – уныло промямлил Гай.

Глава четвертая, в которой подробно объясняется, как подружиться с врагом

«Опять скрипит потертое седло...» – мурлыкал себе под нос Сергей Роксолан, направляя коня по виа Попилиа, уходящей к северо-востоку. Дороги Рима... Прямые, гладкие, мощенные камнем, с почтовыми станциями через каждые восемь-десять миль, где и харчевня найдется, и гостиница. Что ни говори, а такие пути сообщения заслуживали хвалебных песней! Римские виа не петляли суетливо – их прокладывали по прямой, срезая холмы, засыпая овраги, пробивая тоннели в скалах, перекидывая мосты через реки.

Покинув Рим, Сергей и его команда тронулись по виа Фламиния и не съезжали с нее до самого Ариминума. Там, под аркой Августа, их ждала развилка – они свернули на виа Эмилиа. А после Патавиума³⁴ продолжили путь по виа Попилиа – раскрашенная статуя бородастого Приапа с факелом в одной руке и с рогом изобилия в другой указала им направление громадным фаллосом.

Рядом с Сергием скакал невозмутимый Искандер сын Тиндара, он подставлял лицо ветру и улыбался. За спиной цокали копыта коней Гефестая и Эдуардуса Чанбы, друзей и побратимов, вечно ругающихся и подкальывающих друг друга, но попробовал бы кто наехать на «Эдикуса»! Тут же появлялся Гефестай – с твердым намерением облегчить обидчику переход в мир иной, быстрый и с гарантией.

Роскошную форму преторианцев пришлось оставить дома, как и рабов. Впрочем, четверка всё равно щеголяла в одинаковой одежке: на каждом были скифские шаровары, просторные длинные рубахи с разрезами по бокам, подпоясанные гетскими ремнями с серебряными накладками, изображавшими зверюг и пичуг, луну и звезды. На ногах – мягкая обувка, похожая на мокасины, на плечах – плащи с бахромой, а на головах – войлочные колпаки. Так одевались даки, причем колпаки носили лишь даки-пиллеаты, тамошняя знать. Римляне звали эти колпаки фригийскими и считали их символами свободы – любой вольноотпущенник получал колпак-пиллеус из рук бывшего хозяина в знак освобождения от рабства.

– Командир! – подал голос Гефестай. – Останавливаться где будем?

– Скоро мансион должен быть, – ответил Лобанов, – там и заночуем.

– А недурно устроились латины, – проговорил Искандер, – есть на что посмотреть со вкусом. Цивилизация!

Они как раз въезжали на пригорок, и с высоты открылся живописный вид – на сжатые поля, четко очерченные межами и низенькими оградками, сложенными из камней, на сады и оливковые рощи. Вся земля была возделана и ухожена, а маленькие островки леса или произрастали на отрогах гор, или были посвящены богам. Тогда над верхушками священных рощ поднимались белые храмы. Пустынных пространств не наблюдалось вообще: куда ни помотришь – всюду колоннады вилл, красные черепичные крыши, дороги, виноградники.

– Сергей, – сказал Тиндарид, не поворачивая головы, – кто-то за нами упорно следует. Я уже восемь перекрестков насчитал – сворачивают строго за нами.

Роксолан, беспечно любуясь пейзажами, спросил:

– И много их?

– Пятеро конных и, наверное, столько же лошадей в поводу.

– Догоняют?

³⁴ Ариминум – ныне Римини. Патавиум – Падуя.

– В том-то и дело, что нет. Строго выдерживают дистанцию – так, чтобы и нас из виду не потерять, и слишком близко не оказаться.

– Мало ли! – подал голос Эдик. – Вдруг им с нами по дороге.

– Может, и так, – легко согласился Искандер.

– На станции видно будет, – решил Сергей.

Мансион, дорожная станция, обнаружился на полдороге к Аквилее. В глаза сразу бросалась государственная гостиница – крепкое двухэтажное сооружение из беленого камня под черепичной крышей, с крытыми галереями. Гостиница была поставлена буквой «Г», длинная, приземистая конюшня превращала ее в «П», а высокий забор с мощными воротами замыкал в квадрат.

Подъездная дорога тоже была мощеная и доводила до ворот. Створки стояли распахнутыми, открывая взгляду чистый двор-плац. У входа тянулись длинные скамьи, параллельно им шла коновязь, похожая на спортивное бревно, и поилка, сложенная из камня. Под навесом на очаге грели вино с водой, еще дальше дымила большая хлебная печь.

– Искандер, – сказал Сергей, – устрой коней, – и протянул эллину эвакуцион, выданный Марцием Турбоном. Эвакуцион – подорожная грамота – давал право менять лошадей на станциях по всем дорогам империи.

Тиндарид кивнул, слез с седла и принял поводья.

– Прощай, коняка! – похлопал Эдик по шее своего скакуна.

– Седло хоть сними! – прикрикнул Гефестай.

– А он его хочет коню на память оставить, – ухмыльнулся Искандер, – чтобы помнил, кого вез!

– Смейтесь, смейтесь... – с горькой улыбкой великомученика сказал Эдик. – Истинно говорю вам, наступит пора – и прозреете! И восплачете, и раскаетесь за обиды великие, что чинили мне, и возмолите о прощении, но отрину вас, изрекая: «Да поидете вы на фиг!»

– Не юродствуй, – строго сказал Искандер и добавил: – Надо уважать чувства верующих.

– Да?! – мгновенно воспламенился Чанба. – А мои чувства атеиста кто уважать будет?!

– Это несопоставимые понятия.

– А чего это ты за христиан заступаешься? Крещеный, что ли?

– И не крестился, и не собираюсь. Но и буффонаду устраивать на манер евангельских текстов тоже некрасиво.

– Ох, какой же ты зануда!

Махнув рукой на «воспитуемого» и «воспитателя», Сергей прошел в харчевню, к стационарию – управителю дорожной станции. Это был крупный мужчина в тунике, смахивающей на женскую ночнушку, с серым пухом на голове. Нос сапожком, вялый подбородок, толстые губы, будто осами накусанные, слезящиеся глаза – внешность у стационария была не из приятных.

– Сальве, – бросил Сергей. – Со мною еще трое. Комната найдется? Я имею в виду, хорошая!

Управитель пожевал губами, словно пробуя их на вкус, и слегка поклонился.

– Пожалуйте! – указал он на двор. – По лестнице на галерею, третья дверь!

Лобанов кивнул и вышел.

– Седла тащите наверх! – скомандовал он.

Сергей взвалил на плечо еще теплое седло – и поднялся по лестнице на галерею. За третьей дверью он увидел койки в ряд, пустые полки вдоль стены и окно, закрытое ставнями. Сгрузив седло на кровать, Роксолан подошел к окну и раскрыл ставенки. За мансионом журчала речка, ее обступали ивы, как будто сошедшиеся на водопой, а дальше синели и лиловели Альпы.

– Есть когда будем? – поинтересовался Гефестай, вваливаясь в «номер».

– Пошли уж, – проворчал Сергей и спустился вниз. Ободренный кушан потопал следом.

И тут во двор въехали «преследователи» – крепкие ребята с нахальными глазами и уверенными движениями. Впереди покачивался в седле молодой парень с лицом холеным и капризным. Видать, был он человеком зябким, поскольку носил и верхнюю тунику «непристойного» алого цвета, и «внутреннюю» белую – крашек ее бесстыдно выглядывал над коленом. Ноги «вьюнош» обвязал ткаными шерстяными обмотками, а плечи кутал в плащ-лацерну, окрашенную в пурпур. Такая лацерна стоила десять тысяч сестерциев, она издали колола взгляд, неслышно, но зримо афишируя богатство и знатность всадника. Сергей усмехнулся – встречая молодого римлянина по одежке, он приметил под вызывающей оболочкой изнеженного и избалованного сына, сытенного и белотелого.

Сынка сопровождали четыре ликтора, кое-как удерживавшие на плечах свои фасции – тонкие пучки вязовых прутьев, перевязанные красными ремнями. К сим представительским вязанкам были приткнуты топоры.

– Кого это принесло? – полюбопытствовал Гефестай.

– Знаешь, – улыбнулся Роксолан, – мне без разницы.

Он немного лукавил – проезжая пятерка его заинтересовала. К одному из ликторов, сопровождавших капризного парня, Лобанов присмотрелся внимательней. Знакомое лицо... Как у того гладиатора в Большом Цирке. Или это он и есть? Похоже, что так! Патриции частенько нанимали гладиаторов для темных дел или для охраны. Как звали того димахера? Луций Эльвий «Змей» – так, вроде, было написано на флажке-программке. Этот тип опасен. От него исходит ощущение силы, а взгляд – твердый и спокойный, почти равнодушный. Казалось, ничто не волнует этого человека – страхи не холодят кровь, радости не горячат. Воистину, Змей.

Парень в пурпурной лацине неуклюже спрыгнул с коня и вразвалочку направился к стационарию. Тот уже выкатился во двор, не зная, как кланяться – низко или еще ниже, с прогибом спины?

– Почтенный, – обратился к нему вьюнош, манерно закидывая полу плаща на плечо, – организуй-ка мне комнату на ночь!

Управитель замаялся.

– Могу предложить общую комнату на десятерых, – пролепетал он и указал обеими руками на Сергия: – Вот они забрали помещение для почетных гостей!

Парень в лацине изогнул бровь и повернулся к Роксолану. Лобанов облокотился о перила веранды. Эдик и Гефестай прислонились к столбам навеса, с интересом следя за переговорами.

– Я легат и послан в Дакию, – надменно выговорил добрый молодец в пурпуре, – но не тороплю тебя. Освободишь комнату к вечеру.

– Как тебя зовут, легат? – осведомился Сергей. Легат удивился, но ответил, гордо задирая подбородок:

– Гай Антоний Скавр! – и добавил обычным голосом: – Время у тебя еще есть. Съедешь в общую, пока я буду обедать.

– Обойдешься, Гай, – спокойно сказал Лобанов. Тот сперва не понял, а когда до него дошло, пожал плечами в полнейшем недоумении.

– Я – Гай Антоний, – снисходительно повторил он, – сын сенатора Элия Антония Этерналиса!

– А мне наплевать, кто ты, – по-прежнему спокойно проговорил Роксолан. – Я приехал первым – и снял комнату. Не хочешь ночевать в общей, ступай на конюшню.

– Что-о?! – вылупился Гай.

– Что слышал, – лениво проговорил Сергей и направился в харчевню. – Пошли, Гефестай, подкрепимся.

На пороге харчевни Лобанова догнал Луций Эльвий и сказал просительно:

– Не обижайся на сопляка! Гай молод и глуп, мнит себя большим человеком и настоящим мужчиной, но в теле этого льва проживает трусливый суслик. Вот отец его – тот да, тот величина известная! – Он добавил доверительно: – Сенатор послал меня в Дакию, уладить кой-какие семейные дела, и навязал на мою голову Гая. Да еще дал любимому сыночку полномочия легата. Нашел кому.

– Да я не обижаюсь, – улыбнулся Сергей.

Из-за спины Луция вышел Эдик и поинтересовался:

– А это, случайно, не ты в Большом Цирке бился? Димахером?

– Запомнили? – весело ухмыльнулся гладиатор. – Я вас тоже узнал!

– Тогда и ты на нас не держи обид, – сказал Лобанов, – особенно на Эдикуса. Он у нас язва известная.

– Да чего там! – отмахнулся ликтор. – Я уже привык. Как попал в ауктораты, так всё – считай, на самое дно угодил. И чего я только не наслушался, Юпитер Всеблагой.

– Мы тоже из гладиаторов вышли, – сказал Чанба великодушно, будто его самого просили не держать обид, – понимаем, что почем.

– Плавали – знаем! – подтвердил Гефестай.

– Да?! – радостно удивился Луций. – Надо же!

– Хозяин! – взревел сын Ярная. – Мясa! Хлеба! Вина!

– Сейчас! – засуетился управитель. – Мигом!

– Присоединяйся, Луций! – сделал широкий жест Эдик. Примерившись на глазок, Чанба обнаружил, что гладиатор-аукторат одного с ним роста, – и мигом проникся к Луцию симпатией.

Преторианцы расселись за длинным столом, с ними сел и Змей. У другой стены расположились ликторы во главе с Гаем Антонием. Легат имел надутый вид.

Роксолан, сложив гигантский бутерброд из ломтя хлеба и пласта ветчины, откусил изрядно и проговорил с набитым ртом:

– А Гай, он что, в самом деле легат?

– Да какое там! – пренебрежительно отмахнулся Луций. – Папаша постарался, оформил сыночку «вольное посольство». Короче говоря, Гай будет пить-гулять и за молоденькими дакийками волокаться, а я буду бегать по делам! А что делать? Сенатор – мой патрон, как он скажет, так и будет. Куда я без него? Если не приду к папаше Гая с утра, не поклонюсь – останусь без завтрака! А потом весь день на ногах – сенатора-то октофоры³⁵ несут, а ты перед носилками бегай, толпу расталкивай. Бежишь и гадаешь: угодил ли патрону? Сунет ли он тебе медь или, там, бронзу? Даст ли похлебки с лепешкой?

– Да, – хмыкнул Сергей, – тебе не позавидуешь. Змей уныло покивал головой.

– А на арене что? – спросил Гефестай участливо. – Мало платят?

– Когда как. Бывает, что денарии перепадают, и даже ауреусы. В том году я дважды бился в Септе, так за каждое выступление по пятнадцати тысяч сестерциев слупил. А толку? За квартиру отдай, долги покрой, оружейнику заплати, ланисте сунь, чтобы хороший жребий выпал... И всё! Хорошо еще, если на баню квадрант завалывается, а то, бывало, неделю немывтым ходишь.

– А за работенку ликтором тебе перепало от сенатора? – задал вопрос Эдик.

– Надеюсь, что перепадет, – вздохнул Луций. – Мне, знаешь, лишний сестерций – не помеха!

Роксолан заметил, что Искандер в беседе не участвует – ест молча, порой морща лоб и задумчиво глядя на гостя за их столом, словно вспоминает, где его видел.

А Луций ел да ел, быстро и жадно уплетая поданные яства. После чего отвалился от стола, сытый и довольный.

³⁵ Октофоры – носильщики, числом восемь, таскавшие носилки.

– Благодарю покорно, – сказал он, отдуваясь, и добавил для Сергия: – Если надо будет кого-нибудь прибить, обращай ко мне. Зашибу с удовольствием!

– Спасибо! – засмеялся Лобанов. – Воспользуюсь. Луций тяжело встал из-за стола и отклонялся. Проводив его глазами, Роксолан повернулся к Тиндариду.

– Тебе, я вижу, не по нраву наш новый знакомый? – спросил он.

– Да не то чтобы не по нраву... – протянул Искандер. – Понимаешь, у меня такое ощущение, что я его уже где-то встречал. Но где? О, совоокая Афина! Не помню. Ни в лицо, ни по голосу не узнаю, но есть что-то в нем памятное. Этот подсекающий взмах руки, характерный наклон плеча.

– У-у... – махнул рукой Эдик. – Ты лучше вспомни, со сколькими мы уже пересеклись! В той же школе хотя бы. Да и потом тоже.

– Да я понимаю...

– Ну ладно, – хлопнул себя по коленям Сергий. – Вы как хотите, а я лягу пораньше. Только учтите – подниму с рассветом!

Ночи в октябре длинные, темные. И прохладные.

Сергий поднялся с великой неохотой, но не отменять же собственный приказ? Быстро одевшись и обувшись, он вышел на галерею и спустился вниз. Прямо из поилки умылся – вода здорово взбудрила – и прошмурыгал в конюшню.

Эдикус с Искандером уже встали и бродили между стойлами, подкармливая лошадей.

– Всё в порядке? – спросил Сергий, обхватывая себя за плечи. – Холодно сегодня!

– Осень! – флегматично объяснил Тиндарид.

– У нас всё спокойно, – доложил Эдик. – Бродил вроде кто-то по двору. Да и Орк с ним!

– Это точно... – протянул Сергий и зевнул – широко, с хрустом потягиваясь. – Ух-х!

Седлайте зверюг!

В ворота конюшни боком продвинулся Гефестай, таща два седла зараз.

– Я и твое прихватил, – сказал он Сергию.

– Премного благодарны. Как там этот... юный друг сенаторов?

– Гай? Дрыхнет! Храпит так, что с потолка сыплется!

– Ну и пусть дрыхнет.

В это время донесся шум от мансиона. Сергий прислушался. Говорили два голоса, один, страдальческий, принадлежал Гаю, другой, лязгающий, – Луцию Эльвию.

– По-твоему, это рано? Скоро солнце встанет! Рано.

– Я спать хочу!

– Нечего спать! Так ты всё на свете проспичь.

– Что-то ты разговорился не по чину! Кто из нас легат?

– Ты.

– Вот именно!

– Так чего ж ты ноешь, легат? Это ты должен нас пинками поднимать и в строй ставить!

А он валяется! Живо мойся!

Чанба захихикал, мотая головой.

– Как он его! – с удовольствием сказал Гефестай. – Приятно послушать!

– Никаких шансов! – добавил Тиндарид, намечая улыбку на плотно сжатых губах.

– По коням! – дал отмашку Сергий.

Искандер подтянулся и запрыгнул в седло. У Эдика так просто не получилось – роста не хватало. Подпрыгнув, он отжался на высоких луках сарматского седла, занес ногу. И сорвался.

Лобанов, делая вид, что не замечает Эдиковых стараний-страданий, обратился к Гефестаяу:

– Как думаешь, щиты брать?

- Да на что они нам? – отозвался кушан. – Мешать только будут. Чай, не на войну едем!
- Тоже верно, – согласно кивнул Роксолан и покосился на Чанбу.
- Тот, красный и злой, забрался на перегородку стойла и оттуда перелез в седло.
- Поехали!

Свежие застоявшиеся лошади, радуясь свободе и быстрому бегу, понесли преторианцев дальше по дороге на Аквилею. Легат в сопровождении ликторов («Как под конвоем!» – пошутил Эдик) следовал позади.

На пятый день добрались до Эмоны, что в Нижней Паннонии. На постоянных дворах по всему городу не было мест, и друзья устроились в доме для паломников при эмонском Исеуме, храме Исиды. А с утра двинулись дальше – на Мурсу, Сискию, Сирмию.

За Сирмием дорога стала еще шире – почти двадцать локтей поперек. Плотно уложенные плиты покато выгибались, чтобы дождевой воде было куда стекать, по кромке шел каменный бордюр-отбойник, дабы колеса телег не соскальзывали с проезжей части. Обочины были засеяны полынью – усталый путник мог сорвать ее листья и вложить в сандалии, чтобы от долгой ходьбы не болели ноги, а рядом с проезжей частью тянулись редкой цепью высокие каменные тумбы, помогая всадникам залезать в седло, – при отсутствии стремян такие приступочки были нелишними.

- А почему тут, как в Англии, левостороннее движение? – болтал Эдик.
- Это в Англии будет так, как в Риме, – усмехнулся Искандер.
- Когда мимо проезжают два всадника, – со знанием дела объяснил Гефестай, – надо, чтобы они разъехались тем боком, где у них меч или копьё. Техника безопасности, понял?
- Это для военных, – дополнил сын Тиндара, – а тут же и телег полно. Вот они и ездят так, чтобы встречные повозки не попадали под кнуты возниц. Кнуты-то в левых руках держат.
- Спасибо, – с чувством сказал Чанба. – Вы развеяли тьму моего невежества.
- А что по этому поводу говаривал дед Могамчери? – ухмыльнулся Сергей.
- Говорил: «Учись, внучек! Кто учится, тот живет. Кто заканчивает с учебой, у того впереди одно дожитие...» Кстати, а вам не кажется, что за нами еще кое-кто должен ехать?
- Не сказал бы, что твое «кстати» было кстати, – хмыкнул Искандер и оглянулся. – Ты о ком, собственно?
- А ты что, забыл уже? Кто гонял того шпиона, что на крыше засел?
- А-а. Вот ты о чем. Лично я никого не видел.
- Гефестай помотал головой.
- Никто и близко не показывался, – сказал он. – Я б сразу заметил.
- Интересно, чего тому Карлсону на крыше тогда понадобилось? – подкинул внук Могамчери тему для разговора.
- Может, то обычный вор был? – выдвинул версию Гефестай.
- Это вряд ли, – покачал головой Сергей.
- Если и вор, то необычный, – вставил Эдик.
- Этот «Карлсон» не зря тогда на крыше обретался, – медленно проговорил Искандер. – Он всё слышал – и куда мы, и зачем мы.
- Ты его вовремя спугнул, – проворчал Сергей, – и ему неизвестно, к кому мы.
- А ты говорил, – Эдуардус живо обернулся к Тиндариду, – что знаешь этого... ну, к которому нас префект послал!
- Ты имеешь в виду Орка?
- Да я серьезно! Как его. Забыл. Тиберий.
- Тиберий Клавдий Максимус,³⁶ – торжественно произнес Искандер.

³⁶ Реальное историческое лицо.

– Почти как императора!

– Императору до него далеко, – проговорил Искандер. – Тиберий – истинный римский легионер. Начал службу в Седьмом Клавдиевом, а потом его перевели во Вторую Паннонийскую алу – для укрепления рядов. В то время Траян готовился к войне с даками. В Первую Дакийскую кампанию Тиберия отобрали в особые части как «дубликария эксплоратора» – это что-то вроде горного спецназа. Ведь боевые действия собирались вести в Карпатских горах! Тиберий дважды получал награды из рук императоров – Домициана и Траяна, а во Вторую Дакийскую войну именно его отряд догнал царя Децебала, который пытался скрыться. Тот в степь бежал, а Тиберий его настиг где-то между Прутом и Днестром... пардон, – между Пиретом и Тирасом. Так что. Тот еще волк!

– Да-а... – протянул Эдик. – Интересный дядечка. А нам-то он зачем? Или ты думаешь, он знает, где золото зарыто?

– Не болтай ерунды, – прогудел Гефестай. – Тиберий – римский легионер! Откуда ему знать, куда Децебал золото заныкал?

– Тиберий дослужился до декуриона,³⁷ – поправил кушана Сергей, – а что ему известно, уточним в Дробете, его ала там стоит.

– Должен же он хоть о чем-то быть в курсе! – поделился Искандер своими надеждами. – Между прочим, Скория, я имею в виду того жреца, посланца Сирма, прикончили именно в Дробете. Мало ли. Может, Тиберий что-то слышал, кого-то видел. В общем, встретимся, поговорим, и всё станет ясно как летнее утро!

– И все равно, – вернулся Чанба к заданной теме, – непонятно, что тому «Карлсону» надо было?

– Вот пристал... – заворчал Гефестай. – Тебя что, Искандер занудством заразил?

– Ну а все-таки? – не унимался Эдуардус.

– Можно подумать, ты не понял, – проговорил Лобанов. – Акул манит запах крови, стервятников – запах падали, а носители разума идут на запах золота. Так что зря Турбон надеялся удержать новость в секрете. Три телеги золота – это вам не хухры-мухры. Да я почти уверен – о сокровищах уже пол-Дакии знает!

Внезапно Искандер, ехавший впереди, поднял руку, предупреждая товарищей, и разговор смолк.

– Что там? – спросил Сергей.

– Не знаю... – проговорил сын Тиндара. – Вроде кричал кто-то.

Роксолан прислушался.

– Вот, опять! – воскликнул эллин. Сощурившись, Лобанов осмотрелся. Дорога на Сингидун³⁸ проходила через густой лес. Деревья по сторонам виа были срублены на расстояние броска копья, и видно было далеко, но возвышенность впереди скрывала участок дороги.

– Вперед! – скомандовал кентурион-гастат.

Преторианцы погнали коней рысью. Въехав на покатую возвышенность, Сергей увидел картину задержания «нелегальных иммигрантов» – отряд вооруженных всадников, числом до контубернии,³⁹ окружал толпу варваров. То, что это именно варвары, сомнений не вызывало – все мужчины, бородатые и косматые, щеголяли в штанах и куртках, а визжащие женщины были одеты в длинные сарафаны и вязаные кофты. У римлян совершенно иные моды. Но и сами всадники не принадлежали ни к легионерам, ни к бенификариям, патрулировавшим дороги.

³⁷ Декурион – командир турмы, эскадрона из 30 всадников. В але – 10 турм.

³⁸ Сингидун – ныне Белград.

³⁹ Контуберний – наименьшее по численности подразделение в римском легионе, состояло из восьми бойцов, деливших одну палатку и питавшихся из одного котла.

Нападающие выглядели как типичные германцы – в меховых куртках и штанах, с бородами, на головах – обжимающие рыжие космы рогатые шлемы.

– Опять эти, – воскликнул Эдик, – «гвардейцы кардинала»!

– Батавы, – подтвердил Искандер, деловито развязывая ремешки на обоих мечах.

– Да они их просто грабят! – пригляделся Чанба.

– Рысью! – гаркнул Сергей. – Всыпем фрицам!

И все четверо, со свистом и гиканьем, понеслись с горки.

Батавы, деловито отбирившие у «иммигрантов» ценные вещи, заметили прибавление новых действующих лиц, но нисколько не встревожились, обрадовались даже – драку германцы любили не меньше разбоя.

Роксолан придержал коня и перемолвился с Гефестаем парой слов. Рыжий батав, выделявшийся обилием золотых цапок на панцире, поднял руку и выехал вперед. Роскошный экземпляр! Сверкающий шлем-шишак с торчащими рогами венчал батава, придавая грозный оттенок взгляду маленьких синеньких глазок из-под насупленных белесых бровей. Порядком засаленная борода была заплетена в косички. Монументальное тулово хранил кожаный доспех, обшитый бронзовыми пластинами, на плечах лежал плащ, подбитый лисьим мехом, а в руке, как скипетр, германец держал боевую секиру-оскорд. Конь был под стать всаднику – толстоногий фризский жеребец. Он тяжело переступал огромными, в две ладони копытами, потряхивая лохматой головой на короткой массивной шее. За гривой почти не видно было ремней узды и нагрудника.

– Мы первые! – рявкнул батав. – Ищите себе другую добычу!

– А ну отпустил! – прикрикнул Эдик.

– Да вы кто такие? – грозно вылупился германец. Сергей остановился шагах в десяти от него и отрекомендовался:

– Особой когорты претории гастат-кентурион Сергей Корнелий Роксолан!

Батав оглядел одеяние преторианцев, выпучил глазенки и захохотал. Его гогот подхватили остальные.

– Этими сказками ты девок дури, понял? – сказал батав.

«Гастарбайтеры», пользуясь случаем, чесанули в лес – и исчезли за деревьями.

– Парни! – рявкнул батавский главарь. – Тут подвалила кой-какая мелочь пузатая, но с мечами! Попользуемся? Двое на одного!

– Эй, рыжий! – послышался громкий насмешливый голос. – Ты плохо умеешь считать!

Батав и Роксолан обернулись одновременно. С левого фланга подъезжал Луций Эльвий. Остальные ликторы, оставив в покое связки фасций, недвусмысленно помахивали топориками.

– Если хочешь крови, то давай, – мягко проговорил Луций, – нас ровно столько же, сколько и вас. А легат будет следить, чтобы мы надрали все ваши волосатые задницы. Один на один!

– Убирайтесь! – выехал вперед Гай. – Я легат, и я приказываю вам.

– Няньке своей будешь приказывать! – крикнул германец.

Батавы загоготали, потихоньку готовясь к бою, но атаковать не спешили – стычка вступила в фазу взаимных оскорблений и словесных дуэлей, когда противники копят злость. Вожак небрежно перехватил секиру и произнес со снисхождением:

– Я – Зигмарт сын Ательстана, призван самим императором и всегда бил проходимцев, хоть тех, – он показал на лес, куда умотали «иммигранты», – хоть этих! – закончил он, переводя заскорузлый палец на преторианцев.

– Подними секиру, Зигмарт, – серьезно попросил Сергей. – Повыше!

Батав очень удивился, но поднял. В то же мгновение свистнула стрела и расщепила топориче. Зигмарт дернул рогатым шишаком.

Гефестай приветственно помахал ему. Он держал в руке мощный степной лук, склеенный из роговых пластин. Тетивой этой убийственной дуге служила «косичка» из оленьих жилок, а выпущенная стрела била с огромной силой – попадая в грудь, она сносила человека с ног.

– Прошу учесть, – сухо проговорил Сергей, – что я не повторяю дважды. Вам было приказано уматывать – ну так уматывайте! Биться нам недосуг, да и кому потом убирать с дороги ваши вонючие трупы? Короче. Разворачивайтесь и следуйте куда ехали, иначе перестреляем, как цыплят!

В эту самую минуту из рощи за дорогой вылетела стая ворон. Пронзительно каркая, черные птицы пронеслись через виа. Зигмарт побледнел, снял с шеи амулет из высушенных лап волка и ворона и приложил ко лбу. Суеверные германцы почитали ворона священной птицей, посланцем богов. Боги о чем-то предупреждали.

– Клянусь Манном, – проворчал Зигмарт, понукая коня, – я тебя еще найду, Сергей, кем бы ты ни был!

Он пришпорил огромного коня, и тот потряхал мимо преторианцев и ликторов. Гефестай с Луцием вежливо посторонились, уступая дорогу, и даже Эдик придержал язык, дабы не осложнять политическую обстановку. Батавы, подозрительно зыря, потрусили следом за предводителем. Когда последний из них, незаметно для Зигмарта погрозив кулаком, скрылся за возвышенностью, Чанба выразился:

– Заметили? Сразу как-то посвежело!

Гефестай хмыкнул и проговорил, пряча лук в кожаный горит:⁴⁰

– Жалко, что не дали мне стрельнуть. Трех я бы завалил. Или пятерых.

– Ты был адекватен, – похвалил его Искандер.

– Что стоим? – улыбнулся Сергей. – Вперед, и с песней!

Преторианцы пришпорили коней, и скоро дорога увела их дальше к северу, ближе к границам Дакии. Ликторы, «конвоировавшие» Гая Антония Скавра, поспешали следом.

Виминаций, город и порт, где стояли триремы Данувийской флотилии, они миновали без остановок. За Виминацием, у Ледераты, на тот берег вел понтонный мост, но преторианцам туда было не надо. Сергей поскакал на восток, сначала по дороге Тиберия, потом вышел на виа Траяна. О, это была особенная дорога! В этих местах могучее течение Данувия пробивало себе путь между Карпатами и Балканами, вода пенилась и грохотала, зажата скалистыми утесами. Берега как такового не существовало – отвесные гладкие стены возносились из бурлящих вод на сотни локтей вверх. Называлось это место Клиссурой, или Железными Воротами. Дакам и в голову не приходило оборонять здешние берега – Данувий сам справлялся с охраной подступов. А легионеры Траяна ухитрились-таки проложить удобную дорогу по вертикальной стене! Прорубили в скалах террасу шириной шага в два, прямо над рекою, а с краю обрыва выдолбили отверстия. Забили в них дубовые бревна, скотив что-то вроде балкона в десятки миль длиной. Настелили крепкие доски – и получилась вполне приличная виа Траяна. Едешь по ней, справа – каменная стена со следами кирок, сверху нависает каменный свод, а слева, за крепкими перилами, гремит и беснуется Данувий, вздымая и скручивая водяные валы, швыряясь ошметками пены. Мелкая водяная пыль висит в воздухе постоянно, играя на солнце радугами.

– Здорово тут! – провозил Эдик, перекивая гул несущейся реки.

– Ага! – заорал Гефестай. – Тихо так! Водичка плещется!

Солнце убралось за скалы, и в каньоне тут же сгустился сумрак. Повеяло зябкой сыростью, как из погреба. Сергей направил коня поближе к перилам – тот зафыркал испуганно, замотал головой. Зато хоть небо открылось над головой – и отвесная гранитная стена, уходящая по вертикали вверх.

⁴⁰ Налучье, куда можно прятать и лук, и колчан со стрелами.

А десятью милями ниже по течению показался громадный мост – Понс Траянис. Мост был как поводок, на котором Рим держал полудикую-полуприрученную Дакию. Вон она, за серо-зеленым разливом Давуния, стелет желто-бурое разнотравье степной полосы, а по горизонту встает пильчатая линия гор. Что там? Как там? Какие опасности, какие губительные тайны ждут их в императорской провинции, но припрятаны до поры?

– Подъезжаем, – обронил Сергей и послал коня легкой трусцой.

Глава пятая, в которой Лобанов испытывает «сердечный укол»

Легионную крепость Дробета римляне соорудили в красивом месте. В плане она имела форму квадрата со стороной в шестьсот шагов, и какие это были стороны – ого! – два ряда стен высотой в двадцать локтей, расположенных на расстоянии восьми шагов друг от друга. Замучаешься завоевывать! Одной стороной фортеция примыкала к мосту Понс Траянис, а еще с трех ее окружали рвы и земляные валы, расположенные в шахматном порядке, – пока до самих стен доберешься, половину бойцов положишь. Еще один вал находился в промежутке между крепостными стенами.

Сами стены были выстроены из «двуручных» каменных блоков-квадров. С внешней стороны квадры блестели шлифовкой, с внутренней так и оставались необработанными – никто ж не видит... Вокруг и внутри крепостных стен легионеры проложили добротные кольцевые дороги, а дальше расстилалась прата, территория легиона, где на травке пасся скот, – за ним присматривали воины-пекуарии.

Таков был стандартный типовой проект римской крепости. Однако в Дробете, на беспокойной данувийской границе, потребовалось еще пуше укрепить крепостные ворота, ибо даки с гетами стояли на ступеньку выше полудиких германцев и умели штурмовать укрепления. И здесь, впервые в практике пограничной фортификации, навесили мощные двойные ворота, а справа и слева от них возвели круглые башни, выдающиеся вперед из крепостной стены. Мало того, на боковых, прилегающих к воротам стенах устроили балконы, дабы сподручнее истреблять штурмующих.

У ворот преторианцы спешили, а ликторы повлекли своего легата в канаб. Сергей с удовольствием разминал ноги.

– Лучшее средство против геморроя, – внушал Гефестаю Эдик, – это пешие прогулки! Так что гуляй почаще – и не будешь ныть!

– Когда это я ныл? – озадачился сын Ярная.

– Было дело, – туманно, но очень веско сказал Чанба.

– Врешь ты все... – проворчал кушан.

В главных воротах их остановил дозорный. Опираясь на щит, он весьма красноречиво уткнул копьё-гасту в грудь Сергию. Лобанов, так же молча, протянул дозорному квадратик кожи – пропуск с печатью префекта претории.

Легионер, удовлетворясь, убрал копьё и, так и не сказав ни слова, махнул свободной рукой – путь, дескать, свободен.

Внутри кастра Дробета удивительно походила на расположение какой-нибудь военчасти. От главных ворот тянулась прямая и широкая виа претория. Рядами вдоль нее шли казармы ауксиллариев,⁴¹ выстроенные из кирпича и крытые черепицей, а дальше располагалась скола – помещение для военных занятий, казармы легионеров – с портиками! – и дома старших офицеров.

– Серый, глянь! – восхитился Эдик, заглядывая в казарму через распахнутые двери. – Тоже двухъярусные койки, как у нас! Помнишь?

– Помнишь... – рассеянно отозвался Роксолан.

Легион жил по издавна заведенному порядку. У казарм фракийской алы конники точили мечи, чистили доспехи. Насупленный декурион аккуратно вбивал гвоздики в парму – круглый кавалерийский щит, – приколачивая вошеную кожу. Из конюшен доносилось ржание. Возле

⁴¹ Ауксилларии – вспомогательные войска, набранные из неграждан Рима – перегринов.

турмовых котлов дежурные кололи дрова, обдирали свиную тушу, мешали булькавшее варево. Двое проштрафившихся кавалеристов без поясов, в подоткнутых туниках, скребли лопатами доски сортира, таскали воду, окатывали ею пол, драили, доскребываясь до древесины чистого белого цвета. Слышались возгласы:

- Минуций Нисет! К квестору!⁴²
- Что, деньги дают?!
- Беги давай!
- Бегу! Лечу!
- Пеликан!
- Чего?
- Когда сменяешься?
- С третьей ночной на первую дневную. А чего?
- Тьфу! Весталкина честь. Да Помпедий достал где-то неплохого винца...
- Критского?
- Ага, жди. Цекуба!
- Тоже ничего.
- Сальве, Процилий!
- Сальве...
- Кто это с тобой?
- Септимий Квадрат, старослужащий первой кентурии, первого манипула!
- Отставить, Септимий. Проходи, у нас по простому.

Мимо, сменившись с дежурства, прошагал легионер.

– Эй, служивый, – остановил его Сергей, – не подскажешь ли, где нам найти принцепса претории?

– Цереала, что ли? – проворчал легионер и хмыкнул без особой приязни: – С чего бы вдруг Цивика дакам зандобился?

– Я не слышу ответа, – очень спокойно сказал Лобанов. До того спокойно, что легионер поежился. Еще один боец, без шлема и панциря, в одной красной тунике, остановился и покачал головой:

– Ты опоздал! Принцепса срочно вызвали в Сармизегетузу – нового наместника ждут, что ли.

- Это плохо... – задумался Роксолан. – Так, а префект лагеря на месте?
- Почти! Он в ретентуру подался, я видел. Зовут Гай Косконий Ребил.
- Благодарю тебя, – церемонно сказал Сергей и повел своих дальше.

А дальше, на перекрестке, стояла принципия – штаб легиона. Неподалеку был устроен преторий, где размещалась резиденция командующего легионом – основательный двухэтажный домина. Напротив претория находился сакеллум, знаменное святилище, – там хранились значки когорт, легионная аквила и бюсты императоров. Ниже, в подвале сакеллума, держали кассу со сбережениями легионеров и вторсырье – ни гвоздей, ни обломков мечей в кастре не выбрасывали, металл ценился высоко.

- Крепко устроились римляне, – сказал Эдик, – надолго.
- Но не навсегда, – заметил Сергей.
- Увы! – отпустил вздох Искандер.
- Не переживай, – утешил его Чанба. – На наш век хватит!

За виа принципалис, делившей кастру пополам, начиналась ретентура – тыльная часть крепости. Здесь дымила труба фабрики – легионной мастерской. Там обжигали кирпич и черепицу и ставили на них легионное клеймо. В Дробете временно стояли когорты Второго Августина

⁴² Квестор – здесь: заведующий финансами легиона.

стова легиона, а посему на заготовках выдавливали обе его эмблемы – быка и козерога. С кузни доносился неумолчный звон и лязг.

Напротив фабрики, через утоптанную дорожку, тяжело осели приземистые горреи – большие амбары.

Тут Сергей и встретил префекта – тот принимал зерно нового урожая. Лобанов подошел и представился.

– Задание я получил от префекта претории, – подпустил Роксолан юмору, – вот и решил обратиться к префекту лагеря. Уж он-то, думаю, знает своих людей получше Цивики Цереала!

Гай Косконий Ребил довольно хмыкнул.

– Как не знать, – приосанился он, – все передо мной прошли за тридцать-то лет. И кто тебе надобен, кентурион?

– Тиберий Клавдий Максимус.

– Ага! – Префект подумал, и вдруг трубно взревел: – Цезий Басс! Ко мне!

Опрятный тессерарий,⁴³ настолько плотный, что, чудилось, мышцы его вот-вот разорвут панцирь, подлетел к префекту и вытянулся во фронт, хлопая себя кулаком в гулкую грудину.

– Цезий Басс слушает твои приказы! – рявкнул он.

– Ага... – буркнул префект. – Декуриона Тиберия Клавдия – ко мне! Он хоть на месте?

– Декурион – рядом, – отрапортовал тессерарий. – В госпитале!

– Болеет, что ли? – нахмурился префект.

– Никак нет! Принимает лекарства! Гай Косконий Ребил поглядел на Сергия.

– Не будем отрывать декуриона от работы, – решил Лобанов, – заявимся к нему сами.

– Цезий, – тут же распорядился префект, – проводить!

– Слушаюсь!

Госпиталь-валетудинарий тоже был типовой постройки. Солдатские палаты и угловые комнаты для офицеров выходили во внутренний дворик, где размещались операционная и святилище Эскулапа. Медицина медициной, но и божья помощь не помешает. Отдельный вход вел в госпитальные термы с огромным бассейном.

Декуриона Сергей застал за делом – Тиберий перетаскивал керамические сосуды с лекарствами. Это был седой человек суровой наружности с красным лицом и бестрепетным взглядом. Такой наедет – не спустит.

– Тиберий Клавдий Максимус? – обратился к нему Сергей.

– Ну? – буркнул декурион, едва поворачивая лицо.

– Гастат-кентурион Особой когорты претории Сергей Корнелий Роксолан приветствует тебя. Я послан в Дакию по заданию префекта Марция Турбона. Сиятельный велел прежде всего обратиться к тебе.

Такой подход мигом расположил старого вояку – у декуриона даже лицо разгладилось, а ледок в глазах подтаял, убавляя цепкости и колючести.

– Пойдем в третью палату, – сказал Тиберий, – там сейчас никого.

Он провел преторианцев в комнату, где рядом стояли четыре деревянных кровати. Осеннее солнце цедило свет сквозь промасленную ткань окон, а по углам торчали керамические воронки гипокаустов, нагонявшие теплый воздух из подвальной печки – в госпитале наступил отопительный сезон.

– Садитесь, – предложил Тиберий и сам уселся, не чинясь. – Особую когорту я уважаю, наслышан про ваши дела. Слушаю, кентурион.

– Речь пойдет о золоте, что зарыто Децебалом, – сразу сказал Сергей, – и о Скории, который вроде выболтал тайну схрона.

⁴³ Тессерарий – младший офицер, в обязанности которого входила организация караулов и передача паролей.

– Ах вот оно что... – протянул Тиберий. – Да, было дело. Только Скорий – пустое место, он как та труба, через которую в храмах возвещают жрецы. И ничего он не выбалтывал. Не знал Скорий никакой тайны! Всё было ведомо Сирму, а Скорий у него на посылках был. Да вот не к тем его Сирм подослал. Оролес – обычный разбойник, и ему глубоко начхать и на Дакию, и на Рим. Оролесу нужно золото! Вон, вчера он на Понс Ветус напал. Наши, правда, всыпали ему, как полагается. Но ушел Оролес, опять ушел, пес смердящий.

Тиберий задумался, и Сергей решил его осторожно подтолкнуть.

– А с чего бы ты сам начал поиски? – спросил он. – У нас задание простое – найти это клятое золото первыми, чтобы оно Оролесу не досталось. Префект боится, что Оролес сразу кинется оружие покупать и нанимать бойцов из сарматов.

– Не кинется! – мотнул головой Тиберий. – Я ж говорю, Оролесу нужны деньги. Деньги, а не война! Да ему и в голову не придет раздавать золотишко всяким-прочим, он всё себе захапает. Надо будет – перебьет всех, чтобы ни с кем не делиться. Так что. А вот насчет поисков. – Тиберий почесал в затылке и сказал задумчиво: – Вам бы с Верзоном потолковать.

– Это кто?

– Верзон из даков, раньше Децебалу служил, а теперь он в вексиллатионе,⁴⁴ его ала в Апуле стоит. В сентябре, ну вот когда Скория запытали, Верзон в Дробету приезжал, и мы с ним разговорились. История занятная. Когда тут война шла, Децебал принялся повсюду прятать свои сокровища. От нас прятал, а потом, когда ему приспичит, доставал золото и покупал тех же сарматов или квадов. И вот однажды Децебал обратился к Верзону и попросил у того пятнадцать лучших бойцов – сокровища охранять. Три воза с золотом снарядил тогда Децебал. Верзон, конечно, дал царю то, что тот просил, и лишь после узнал, что всех его воинов отравили. Децебал всегда так поступал – никто не должен был знать, где спрятано его золото. Воины охраняли сокровища, потом они убивали рабов – ну, тех, кто прятал ценности, – а после и их самих угощали мясной похлебкой, куда жрец тутошнего Замолксиса подсыпал зелья... И всё шито-крыто!

Узнал об этом вексиллатион и переметнулся к нам – не смог простить царю убийства своих ребят.

А где-то с год назад Верзон побывал в местах, куда укатили те возы, – это где-то в Бастарнских Альпах. И наткнулся на скелеты своих парней! Даки тогда уже много чего у нас переняли, в том числе и кольца легионеров – почти у каждого из скелетов на пальце было такое кольцо, а на нем написано и кто его хозяин, и какого он рода. Десять человек опознал Верзон. А самое интересное, что скелетов было четырнадцать!

– Значит, – спросил Сергей с замиранием, – кому-то удалось спастись?

– Точно! Звери кости растащить не могли, скелеты-то недавние, и хрящи, и связки на месте. То есть получается, пятнадцатый просто ушел. А вот как его звать, не скажу, это вы у Верзона спросите.

– А он точно в Апуле?

– Точно. Только... это... кони у вас добрые?

– Не сказал бы. Мы их на станциях меняем.

– Ясно. Ну, без хорошего коня в Дакии делать нечего. Станции и у нас заведены, вот только дороги не везде проложены, а по лесам на казенной лошадке мотаться – не дело.

– Ты прав, – кивнул Сергей. – Не подскажешь ли, у кого тут коней купить можно?

– Не вопрос! В канабе есть Сарматский рынок, куда пускают варваров из степи. Они пригоняют скот и лошадей.

⁴⁴ Вексиллатион – часть римской армии. Комплектовалась из провинциалов, проходивших службу в основном в местах проживания.

- Ну спасибо, декурион. Вале!⁴⁵
- Вале! И да помогут вам Юпитер и Фортуна!

Минуло десять лет «послевоенного строительства», и поселок-канаб при кастра Дробета разросся, застроился крепкими домами, даже амфитеатром обзавелся. Словом, превратился в провинциальный городишко, обычный для задворков империи. Такие местечки стояли и в Африке, и в Британии, и в Иберии, предоставляя гражданам Рима и паломникам все мыслимые удобства, принятые в цивилизованном обществе, – от кровавых зрелищ на арене до помывок в термах.

Сергий направил стопы именно в баню. Им, как он понимал, светила дальняя дорога, и, когда еще представится случай помыться, неизвестно. Его почин поддерживали все.

- Термы – это хорошо, – высказался Искандер, – водные процедуры нам не помешали бы.
- И ха-ароший обед! – добавил Гефестай.

Эдик не вставил даже слова. Задумался, видать. Прослушал.

Они вышли на прямую улицу Декуманус, в перспективе упирающуюся в ворота военного лагеря, и свернули к термам – громадному зданию, сложенному из каменных, тщательно отесанных квадратов, с монументальным фронтоном, поднятым на восьми колоннах.

– Храм Мойдодыра! – болтал Чанба в манере экскурсовода, переходя на русский. – Это такой бог санитарии и гигиены. Мойдодыра изображают кривоногим и хромым, с медным тазом на голове. В жертву ему приносят грязь – смывают с тела священными мочалками...

- Заходи, грешник, – хмыкнул Сергей, – послужи Мойдодыру!

Сдав одежду рабу в раздевалке-аподитерии, друзья прошли сразу в кальдарий, где в большом бассейне плескалась горячая вода. Вокруг кальдария были устроены ванны поменьше, вода в них наливалась через бронзовые краны в форме дельфинчиков.

Пар поднимался высоко, под купол с прорезанными окошками, но сырости не было, дышалось легко. В стены зарывались ниши, где на мраморных скамьях возлежали купальщики, они кричали и стенали под руками рабов-массажистов.

Намывшись и напарившись, Сергей окунулся в общий бассейн и устроился на скамье. В соседнюю нишу протопал Гефестай, вытирая волосы. Вынырнул Эдик и сделал кушану внушение:

- Осторожнее ерзай, а то скамейку продавишь! Наел задницу.
- Молчи, худоба! – добродушно ответил Гефестай. Эдик подсел к Сергию и накололся на египетский амулет.
- Ой, чего это?
- Это тьет, – любезно объяснил Лобанов, – или «Кровь Изиды».
- Петля какая-то.
- Это не петля, это вагина богини.
- Да-а?! – восхитился Чанба. – Не больно-то и похоже.
- Он нацепил цепочку на палец и завертел амулетом в воздухе.
- Не потеряй, смотри, – проворчал Роксолан.
- А чего?
- А того! Это ключ от квартиры, где деньги лежат. Помнишь пирамиду Хуфу?
- Ну?
- Тьет – это ключ. Когда надо, он откроет потайную дверь и откроет проход до самой сокровищницы фараона. Понял?
- Ух ты! – вытупил глаза Эдик. – И много там тех сокровищ?

⁴⁵ Vale! (Лат.) – Прощай!

– Да тише ты, не ори. Много, мало. Комната такая, примерно пять на пять, и вся забита золотом – где по пояс, где по грудь.

– Ни фиги себе. Так чего ж ты не взял?!

– Чучело! – прогудел Гефестай. – Что б ты стал делать с такой кучей золота? Унитазы ковать?

– Сам чучело, – быстро ответил Эдик и задохнулся: – Да я б. Ух!

– Не переживай, – усмехнулся Сергей, – надо будет, откроем фараонову хованку.

– А когда? – оживился Чанба.

– А как на пенсию выйдем.

– У-у. Это сколько еще ждать.

– Всё, хватит валяться, – поднялся Сергей. – Одеваемся, обуваемся, строимся. И – шагом марш!

– А куда мы шагом марш? – осведомился хитроумный внук Могамчери.

– На рынок.

Рынок в канаве выстроили на окраине, окружив квадратом кирпичных стен, а вдоль стен устроили портики с лавками. Тяжелые ворота этой цитадели купли-продажи отворялись с раннего утра, а закрывались, когда начинало темнеть. Рынок был открыт для торговли с варварами, и его быстро прозвали Сарматским – степняки были частыми гостями Дробеты. В поселке, улицы которого патрулировались легионерами, сарматы вели себя смиренно, не безобразничали, ну а на рынке за порядком вообще следили бенефициарии – с этими ребятами не забалуешь.

Впрочем, торговали все понемножку. Римляне-переселенцы продавали вещи, привезенные с собою, даки выносили брынзу и мед, роксоланы с Нижнего Данувия пригоняли овец, выкладывали воловьих шкуры, скатанные в тяжелые рулоны, а язиги предлагали коней. Именно коней – сарматы, эти «доители кобылиц», берегли породу. Вся их мощь и слава держалась на кавалерии, и они не имели намерения поднимать коневодство Рима. А если бы кто-то из соплеменников продал имперцам кобылу, предателя ждало суровое наказание: его бы волочили по степи на аркане, пока трава и земля не стесали бы тело до кости.

Коней сарматы приводили всяких: обычных степных лошадок, коротконогих, длинношерстных и пышногривых, – таким никакая зима не страшна, они и под снегом траву найдут; чистокровных аргамаков – золотистой масти, с белым хвостом, но без гривы; роксоланских альпов – за каждого из этих гнедых красавцев просили тридцать золотых денариев.

Искандер сразу выбрал себе аргамака, его примеру последовали и Гефестай с Эдиком. Чанбе, правда, куда сподручней было бы с маленьким степным скакуном, но чтобы конь гордого абхаза оказался ниже в холке, чем у друзей. Не бывает тому!

А Сергей все ходил по торговым рядам, осматривая лошадей, и никак не мог выбрать. Конь – не просто средство передвижения, это четвероногий друг. Легко ли выбрать друга?

От стены до стены тянулись коновязи, за ними бойко гарцевали или беспокойно отаптывались скакуны всех мастей. Ржание металось по рынку, эхом носясь из угла в угол.

Рядом с животными сидели хозяева – в коротких перепоясанных рубахах, мягких сапогах и плащах, застегнутых фибулой на плече. День стоял теплый, но сарматы были в мохнатых конических шапках из волчьих шкур. Лишь один встряхивал прямыми длинными волосами, черными с просинью.

Лобанов остановился. Да это сарматка! И прехорошенькая.

Девушка, привлекающая внимание Роксолана, была одета в шаровары и сорочку, ощутимо выдававшуюся в груди и подпоясанную в узенькой талии. Рукава были отделаны золотыми бляхами. Сарматка, косо глянув на Сергия, расправила вышитый платок-гиматион и повязала его на голову.

Лобанов скользнул взглядом по ее ногам, но понять, стройны ли они, не смог. Только и разглядел, что меховые туфельки на изящных ступнях, украшенные кораллами.

Вновь подняв глаза, кентурион встретил девичий взгляд. «Очи черные...» – мелькнуло у него. Девушка смотрела на него, нисколько не смущаясь и не отводя глазок. Интересас своего она тоже не скрывала.

А Сергей никак не мог успокоиться. Снова и снова он разглядывал лицо сарматки, ее кожу, осмугленную то ли солнцем, то ли южной кровью, тонкий нос, брови вразлет... Смотрел – и насмотреться не мог.

Девушка первой не выдержала – улыбнулась, рассмеялась. Лобанов тоже расплылся в улыбке и подошел ближе. «Цветок душистых прерий» спросила его о чем-то, но Роксолан не понял языка – то ли дакийского, то ли сарматского. Он так и ответил:

– Не понимаю.

Тогда девушка перевела свой вопрос на латынь, причем довольно чистую, хотя и с гор- танным призвуком:

– Тебе нужен конь?

– Куда больше, – признался Сергей, – мне нужна молодая, красивая кобылка.

Девушка не обиделась – сравнение женщины с лошадыю было принято у сарматов в пес- нях и сказаниях. Она кокетливо улыбнулась и сообщила:

– Ее зовут Тзана.

– А я – Сергей. Тзана сама торгует лошадыми?

Он спросил об этом не потому, что его интересовали вопросы равноправия женщин у сарматов. Просто надо же было ему успокоиться.

– Тзана не одна, – улыбнулась девушка. – Со мною дядя Абеан и братец Сар.

И тут Роксолану пришлось туго – крутой кентурион совершенно не знал, как быть. Его влекло к этой девушке, но как повести себя, что сказать Тзане?

Молоденькая сарматка отвернулась к коню чалой масти и одной рукой поправляла сбрую. А вот пальцами другой руки она щипала себя за щеки, чтобы вызвать румянец. И еще девушка покусывала губки, чтобы и те выглядели ярче.

– А вот, – оживленно заговорила она, оборачиваясь, – посмотри, какой конь!

Она обошла чалого и тут же вернулась, ведя в поводу саврасого жеребца – светло-рыжего с темной полосой по хребту. У него были маленькая голова, уши торчком, изогнутая шея и прямые, как копы, сухие ноги с маленькими копытами без волос на бабках. Конь был покрыт чепраком, седло было отделано заклепками, а уздечку покрывали белые ракушки, предохра- няющие всадника от дурного глаза.

– Это настоящий сауран! – рассказывала Тзана. – Старики говорят, что он происходит от дикого коня. Ест меньше хомяка, а неутомим. Его бег, как полет стрелы! Его ноги, как крылья сокола!

Нахваливая саурана, девушка подошла совсем близко, коснулась Сергея бедром, и кен- туриону отказала его обычная сдержанность – он крепко обнял Тзану. Тугие, почти твердые груди приятно вдавились в область сердца преторианца, а черные девичьи глаза глянули с расстояния меньшего длины ладони. Тзана не сопротивлялась. Выхватив тонкий кинжал, она уткнула его в бок Сергию и сказала ласково:

– В нашем племени есть закон – прежде чем выйти замуж, девушка должна убить трех врагов. Два скальпа я уже сняла.

Сергей убрал руки – в ладонях все еще жило ощущение теплого, гибкого тела – и глухо проговорил:

– Прости.

– Да за что? – сладко улыбнулась Тзана и хихикнула: – У тебя такие сильные руки.

Роксолан затрудненно вздохнул.

– Ты слишком хороша, чтобы оставаться спокойным, – сказал он. – Как сохранить кровь холодной, когда ты так близко, что я даже улавливаю твое дыхание?

Девушка ничего ему не ответила, только сняла платок и мотнула тяжелой копной волос. Посмотрела на Сергия, глаза в глаза. Ресницы ее дрогнули, нагоняя тень.

– Тзана.

Девушка томно закинула руки за голову, собирая волосы, тонкая сорочка красиво облепила груди. Соски набухали и твердели, буравя ткань, – у Роксолана даже губы пересохли. Тзана неожиданно опустила руки и быстро проговорила:

– Покупай коня, а то дядя идет!

– Я беру его, – громко сказал Лобанов, не глядя на саурана.

Подошедший сармат одобрительно покивал. Он снял остроконечный башлык, оголяя бритую голову с одним пучком волос, заплетенным в косицу, вытер пот со лба и натянул свой головной убор снова. Бросив Тзана пару слов, он отошел, громко выкликая Сара.

– Сколько? – спросил Роксолан, продолжая глядеть на Тзану.

– Десять аурей, – ответила девушка, не отрывая своих глаз от его лица.

Это было дорого, но Сергию было не до бухгалтерии. Он отсчитал десять золотых кружочков с профилем императора и протянул Тзана:

– Я хотел бы увидеть тебя еще.

– Ты хочешь... меня? – созорничала девушка, принимая плату.

– Да!

Тзана подбросила монеты на ладони, те зазвенели.

– Дядя сказал, что мы уезжаем домой через два или три дня, – проговорила она. – Я живу за Тизией, мы поедем до Апула, до Бендисдавы.

– До Апула? Тогда я найду тебя!

– Если найдешь, – дразняще улыбнулась девушка, – я поверю, что твое желание не слабее твоих рук.

Она протянула ладонь и положила ее Лобанову на грудь.

– Твое сердце бьется часто! – сказала она довольно. – Послушай мое.

Роксолан дотронулся до теплой кожи под девичьей сорочкой, сдвинул ладонь, приподнимая тяжелую грудь, и уловил взволнованный перестук. Убедившись, что заразила Сергия сердечной хворью, Тзана отняла руку и передала ему поводья:

– Конь твой!

Глава шестая, в которой выясняется, что грузят на того, кто везет

Префект претории Марций Турбон пробудился до свету. Потянувшись, он сел и задумчиво почесал живот. «Кровать надо новую...» – притекла к нему неспешная мысль. Префект похлопал по изножью, отделанному бронзой, с гирляндой из листьев, выложенных серебром, и красномедных ягод. Покачав изголовье с серебряными накладками, вычерненными рисунком – сатиры и менады вьются меж деревьев, он услышал скрип. Да, сдает дерево. Ложе досталось префекту от отца – добротная «павлинья» кровать. Так ее называли из-за волнистого расположения пятен на дощечках ретийского клена, коими кровать была оклеена.

Вздыхнув, Марций Турбон сунул ноги в домашние шлепанцы-сокки и встал. Раб-кубикулярий⁴⁶ уже приготовил для хозяина большой посеребренный таз с затейливой чеканкой, полный чистой холодной воды. Префект с удовольствием омыл лицо. Раб, престарелый Фульвий, уже был рядом и протягивал полотенце.

Марций прополоскал рот, вытерся и приказал:

– Фанния ко мне.

Кубикулярий поклонился и вышел. Почти тут же в дверях нарисовался Фанний Цепион, цирюльник и пройдоха. Грешков за этим кудрявым молодчиком водилось немало, но префект пока прощал ему – уж больно хорошо Фанний управлялся с бритвой.

Марций уселся на табурет и сложил руки на коленях.

– Ну что ты на меня уставился, как коза на горох? – добродушно проворчал он. – Приступай!

Раб поклонился, достал острую бритву, наточенную до зеркального блеска, и горшочки со снадобьями.

– Хозяин хорошо выглядит, – прожурчал Фанний, смешивая жир с золою и пахучим порошком.

– Да что ты говоришь... – усмехнулся префект.

– Истинную правду!

– Брей, давай, правдолюбец!

Фанний, подержав на подбородке и щеках хозяина мокрую горячую ткань, нанес мазь, а после нежно, трепетно провел бритвой.

– Говорят, наш принцепс меняет власти Рима, – болтал цирюльник. – Раньше над районами прокураторы стояли, а нынче кураторы поставлены, все из императорских отпущенников. Это правда?

Фанний отнял бритву, чтобы услышать ответ, и префект претории буркнул:

– Правда.

– А самым главным будет городской префект.

– Фанний, скажи, зачем тебе это надо знать?

– Как же! Городской префект тоже из отпущенников. Вот, дадите мне вольную – и пойду я в магистраты.⁴⁷

Марций фыркнул в негодование, и цирюльник поспешно отдернул руку с бритвой, дабы не нанести порез.

– Нашелся магистрат. Добривай скорее!

– Всё, всё уже!

⁴⁶ От слова «кубикула», как называли спальню.

⁴⁷ Магистрат – чиновник.

Фанний аккуратно вытер префекту лицо – и смазал зудящую кожу своим знаменитым составом – пощипывающим и охлаждающим. Потом раб мигом собрал свои причиндалы и удалился.

– Вольную ему... – проворчал префект. – А брить меня кто будет? Куратор?

Он прошел к домашнему алтарю и сотворил молитву очагу, пенатам, предкам. Заботливо отряхнул пыль со статуй богов, стоящих на столе терпентинового дерева. На душе стало спокойнее.

Накинув плащ, Марций Турбон вышел на террасу. И увидел, как раб-привратник поспешно раскрывает створку ворот перед всадником в красном с золотом. «Не иначе, императорский вестник...» – встревожился Марций. Он угадал.

Лощеный гонец осадил коня у самых ступеней, лихо соскочил на дорожку и вытянул руку в салюте.

– Аве, сиятельный! – произнес он четко и звонко. – Принцепс велит тебе явиться к прандию!⁴⁸

– Я буду послушен воле принцепса,⁴⁹ – склонил голову Марций.

Вестник грохнул кулаком в свой золоченый панцирь и ловко вскочил в седло. Дробно простучали копыта, и вот раб закрывает скрипучую створку. «И ворота надо менять...» – мелькнуло у Марция Турбона.

Задолго до полудня префект претории явился на Палагин, ко дворцу Флавиев, где происходили парадные приемы. Под высоким сводом арки главных ворот, над которой будто приплясывала квадрига Лисиппа и пошевеливались бронзовые возницы – Аполлон с Дианой, – Марций прошагал на дворцовую площадь. Она была окаймлена колоннадой из желтого нумидийского мрамора и целым строем бронзовых статуй – щедро вызолоченных нимф, муз, граций.

Высоченные двери парадного входа, выложенные серебряными пирамидками, стояли открытыми, приглашая в просторный вестибул. Префект переступил порог дворца и зашагал между двумя рядами преторианцев. Неподвижные, блистающие драгоценными металлами поножей, панцирей и шлемов, гвардейцы императора и сами походили на статуи.

У дверей Регии – Тронного зала – Турбон остановился. Тут же из-за колонн вышел магистр дворцовой службы в белоснежной тоге с широкой пурпурной полосой, величавый и преисполненный достоинства.

– Префект Марций Турбон? – спросил он вполголоса.

– Как видишь, – сухо ответил Марций. – Доложи величайшему, что я прибыл и жду его приказаний.

Магистр молча развернулся и скрылся за колоннами. А префект остался скучать в ожидании вызова, слушать далекие гулкие шаги и разглядывать створки гигантских дверей. Полированное дерево, из которого их сделали еще при Веспасиане, совершенно не было видно под инкрустациями из слоновой и черепаховой кости, лазурита и малахита, золотых и серебряных накладок. Не дверь, а ювелирное украшение. А как же иначе? Ведь эти створки открывались в тронный зал, где северные варвары или чужеземцы с Востока могли лицезреть самого принцепса, первого доминуса⁵⁰ Великого Рима!

Префект задумался. Адриан никогда не звал его по пустякам. В последний раз Марций докладывал об успешной ликвидации «врага государства и народа римского» Каара по прозвищу Зухос, виновника многих бед и несчастий, едва не завладевшего Египтом. Это было на

⁴⁸ Прандий – полдник.

⁴⁹ Принцепс – более верный титул, чем император.

⁵⁰ Доминус, или дом, – господин.

прошлой неделе. Что его ждет сегодня? Марций усмехнулся. Пока что судьба вела его в гору, все выше и выше поднимая над низинами обычной жизни. А всё – благодаря близкому знакомству с Адрианом. Мог ли Квинт Марций Турбон из города Эпидавр, незнатный уроженец Далмации, надеяться на то возвышение, которого достиг ныне? С будущим принцепсом он впервые встретился четырнадцать... нет, пятнадцать лет назад. Тогда Марций был примипилом во Втором Вспомогательном легионе, стоявшем в Аквинке. Публий Элий Адриан служил вместе с ним – трибуном-латиклавием.

За три года до своей смерти Траян назначил Турбона командующим Мизенским флотом, а через год направил в Кирену, где восставшие иудеи зверски убили двести тысяч жителей. Марций привел в Кирену флот и Седьмой Клавдиев легион и справился с бунтовщиками не менее жестоко, а их вождя, Андрея Луку, распял. Траян оценил верного далматинца и сделал его прокуратором Мавритании Цезарейской. Должность была хлопотная, но занимал он ее недолго. Траян умер, новым принцепсом стал Адриан. И сразу же вспомнил о Марции. Адриан – человек недоверчивый, но, уж если ты доказал свою полезность и преданность, он тебя не забудет и не обойдет милостью. Правда, и дело поручит опасное и трудное до предела. Так и случилось. Адриан удостоил Марция повязок префекта Египта – для пущего величия – и бросил в Мезию и Дакию умирять сарматов с роксоланами. Едва осела пыль над степью, едва кровь впиталась в землю, как Марция вызывают в Рим и поручают его заботам преторию. И что теперь? Он достиг вершин и наибольших почестей для человека всаднического сословия. Неужто Адриан продвигает своего человека еще выше? Посмотрим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.